

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет
Кафедра новой, новейшей истории и международных отношений

Б.С. Жигалов

**ГЕРМАНИЯ И СССР:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
(март 1918 – июнь 1941 гг.)**

*Конспект лекций по спецкурсу для студентов,
обучающихся по магистерской программе
«Американские и германские исследования»*

Томск
2013

РАССМОТРЕНО И УТВЕРЖДЕНО Методическим советом исторического факультета Томского государственного университета по спецкурсу

Редактор – доктор исторических наук, доцент В.П. Румянцев

Б.С. Жигалов

Германия и СССР: Экономические и политические отношения (март 1918 – июнь 1941 гг.). – Томск : Томский государственный университет, 2013. – 140 с.

ISBN 978-5-9462-1401-8

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент Г.Г. Супрыгина,
кандидат исторических наук, доцент Е.В. Хахалкина,
кандидат исторических наук, доцент О.И. Ющенко

ISBN 978-5-9462-1401-8 © Томский государственный университет, 2013
© Жигалов Б.С., 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный спецкурс подготовлен в соответствии с рабочей программой, утвержденной кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений, и предназначен для студентов, обучающихся по направлению (специальности) «История».

Цель спецкурса – дать углубленное представление о том, как развивались взаимоотношения Германии и СССР в межвоенный период, какие цели преследовали каждая из этих держав, каким было влияние мировых и европейских факторов на формирование германо-советских отношений.

Изучение материала спецкурса базируется на компетенциях, сложившихся у студентов в результате освоения дисциплин подготовки бакалавров по отечественной и зарубежной истории.

Спецкурс является составной частью магистерской программы «Американские и германские исследования» и входит в систему курсов «Новая и новейшая история стран Европы и Америки» и «История России. XX век».

Объем спецкурса – 18 лекционных часов и 36 часов самостоятельной работы.

ВВЕДЕНИЕ

Отношения Германии и России/СССР насчитывают столетия. С эпохи Петра I начинаются тесные политические, хозяйственные и культурные взаимоотношения. Широкое развитие получили научные связи. Сам Петр I впервые посетил Германию в 1697–1698 гг. в составе «Великого посольства». После Семилетней войны русские и немцы не воевали между собой более 150 лет. Особенно тесные связи двух народов имеют место во времена Екатерины II, когда тысячи немцев-колонистов переселялись в Россию. Немало людей с немецкими корнями, отличились на военном, административном, научном поприще в России (А.И. Остерман, Б.Х. Минних, Г.В. Лейбниц, П.С. Паллас, А.Л. Шлёцер и многие другие).

В период наполеоновских войн политика России способствовала сохранению независимости Прусского государства. Именно Россия сыграла важную роль в создании Германской империи в 1870–1871 гг., а затем СССР – в преодолении раскола Германии в 1989–1990 гг.

В Европе трудно найти государства, история которых переплеталась бы так тесно и сложно, как история России и Германии. Известный немецкий писатель Б. Келлерман писал (1946 г.): «... Германия и Россия, казалось, были прямо-таки созданы для экономического сотрудничества. Германия была большой мастерской, оборудованной превосходными машинами, которые день и ночь изрыгали продукцию, громадная и таинственная Россия была величайшим производителем сельскохозяйственных продуктов и мощной кладовой неисчерпаемого сырья... Редко нашлись бы две страны, которые так удачно могли дополнить друг друга». При этом важно отметить, что хорошие отношения между Германией и Россией сопровождались миром в Европе. Поэтому можно утверждать, что германо-российские отношения носили системообразующий характер для всей Европы.

Но, несмотря на тесные экономические связи, породненность правящих династий дореволюционной России и кайзеровской Германии, несмотря на достаточно широкие контакты между СССР и Веймарской Германией, отношения этих двух стран никогда не достигали уровня союзнических отношений.

С конца XIX в. ухудшаются политические отношения между Германией и Россией. Под влиянием националистической и милитаристской пропаганды в Германии широко распространяется враждебность к России, основанная на страхе перед ней и чувстве культурного превосходства немцев над русскими. Мысль о неизбежной грядущей войне с Россией входит в сознание широких слоев немецкого народа.

Начало XX в. принесло суровые испытания народам обеих государств. Германия попыталась силой оружия разрушить Российское государство. Проигранная и Россией и Германией первая мировая война, почти одновременно происшедшие революции – все это наложило свой отпечаток на отношения двух народов в послевоенный период.

В пособии ставится цель – с позиций современного научного знания представить картину развития отношений Германии и Советского государства в межвоенный период: от Брестского мира до нападения нацистской Германии на СССР (март 1918 – июнь 1941 гг.). За этот период в Германии сменилось три политических режима: кайзеровский (март – ноябрь 1918 г.), веймарский (1919–1932 гг.), нацистский (1933–1941 гг.).

На каждом из этих этапов имели место определенные изменения в конкретных целях и задачах политики обеих стран, хотя главное, самое существенное оставалось неизменным. Поэтому предполагается показать, что было основным в отношениях двух стран и какие особенности тактического характера имели место на том или ином этапе развития германо-советских отношений.

Научная и публицистическая литература, посвященная взаимоотношениям СССР и Германии в межвоенный период, огромна. Общее количество названий монографий, статей, сборников документов, имеющих прямое или косвенное отношение к поставлен-

ной теме, исчисляется сотнями названий. Отношения СССР ни с одной страной не изучены столь обстоятельно как с Германией.

Характеризуя историографическую ситуацию, сложившуюся после распада СССР и краха официальной советской идеологии, академик А.О. Чубарьян писал: «На историю переносились современные идейные столкновения, отражавшие в целом отношение ко всему советскому периоду и к сталинизму, особенно это сказалось на оценке проблем советской внешней политики».

Все это в полной мере относится к тому, как освещается история советско-германских отношений в работах отечественных авторов. Те, для кого СССР был «империей зла», пишут об «аморальности» советской внешней политики, которая де сводилась к «первооружению» Германии и «соучастию» с Гитлером в развязывании Второй мировой войны и разделе территории Восточной Европы. Другие, для кого Советский период был поступательным этапом в истории российского государства, стремятся показать обусловленность «германской политики» национально-государственными интересами страны. Автор пособия в полной мере разделяет эту позицию.

Необходимо остановиться ещё на одной историографической проблеме. В отечественной исторической науке и публицистике имеет достаточно широкое распространение идея о том, что большевики, взяв власть в России, рассматривали её лишь как плацдарм мировой революции, что внешняя политика Советской России всецело определялась борьбой за мировую революцию. Но характер и основные направления внешней политики любого государства определяются совокупностью разного рода факторов, среди которых присутствует и идеологический аспект. Государство имеет свою идеологию внешней политики. Имела ли какое-то значение идея мировой революции для советской внешней политики? Безусловно. В первые годы после Октябрьской революции в руководстве большевистской партии были деятели, разделявшие идею мировой революции и считавшие, что события в России являются началом этого процесса. Достаточно вспомнить политическую борьбу в связи с заключением Брестского мира, с попытками

«подталкивания» революции в Германии в 1918 и в 1923 гг. Но, сталкиваясь с реальной политикой, идея мировой революции – «продукт доктринальных раздумий» – не могла стать основной внешнеполитической целью. Уже первые опыты «поддержки» мировой революции показали никчемность этой идеи. Так было в Турции, Китае и, особенно, в Германии. Поэтому идея мировой революции оставаясь некоторое время в качестве идеологической и пропагандистской составляющей внешнеполитического курса Советского государства, в 30-е годы исчезает из лексикона государственных деятелей СССР и из документов Коминтерна.

Автором пособия были использованы работы отечественных историков А.А. Ахтамзяна, Л.А. Безыменского, И.Ф. Максимычева, А.О. Чубарьяна, В.К. Волкова, С.А. Горлова, Ю.З. Кантор и др. Немецкая историография проблемы представлена монографиями и статьями, авторами которых являются Д. Айххольц, Г. Кёнен, Х. Мёллер, Р.-Д. Мюллер, Х.-Э. Фолькманн, И. Фляйшхауэр, Г. Шендеман.

Подробнее об этом см. раздел «Источники и литература».

Глава 1. ГЕРМАНИЯ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ В ПЕРИОД БРЕСТСКОГО МИРА (март – ноябрь 1918 г.)

3 марта 1918 г. в г. Брест-Литовске после долгих и трудных переговоров был подписан мирный договор между Германией и её союзниками, с одной стороны, и Советской Россией, с другой. Выступая при его подписании, Г.З. Чичерин сказал: «Этот мир продиктован с оружием в руках. Это – мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия».

Этот договор был продолжением политики по захвату и закабалению территорий России, которую Германия проводила, начав в августе 1914 г. Первую мировую войну. По Брестскому договору объявлялось прекращение военных действий, но Германия сохраняла свои войска на оккупированных территориях Белоруссии, Прибалтики, российских губерний. Россия должна была провести полную демобилизацию своей армии. РСФСР обязывалась «...немедленно заключить мир с Украинской народной республикой и признать мирный договор между этим государством и державами четверного союза. Территория Украины незамедлительно очищается от русских войск...». Турции возвращались Ардаган, Карс, Батум. Германия обязалась вывести войска с оккупированных территорий России лишь после того, как «будет заключен всеобщий мир».

Территориальные потери Россия составили около 1 млн кв. км. Здесь проживало свыше 50 млн человек, добывалось 90% каменного угля, 73% железной руды, здесь находилось 56% российского промышленного потенциала .

Условия мира были тяжелыми, но В.И. Ленин с удовлетворением констатировал: «Как бы то ни было, но мы вырвались из войны. Мы не говорим, что мы вырвались, ничего не отдавши, не заплативши дань. Но мы вырвались из войны. Мы дали передышку

народу». Подписав договор с Германией, Советская Россия вышла из войны, став нейтральным государством. Брестский мир был компромиссом. Неизбежным, но, очевидно, единственно возможным решением проблемы войны и мира. Бывший председатель Государственной думы М.В. Родзянко, находясь в эмиграции, писал: «...если бы и не было революции, война все равно была бы проиграна, и был бы, по всей вероятности, заключен сепаратный мир, быть может, не в Брест-Литовске, а где-нибудь в другом месте, но, вероятно, ещё более позорный, ибо результатом его явилось бы экономическое владычество Германии над Россией».

Ратифицировал Брест-Литовский договор IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, который открылся 14 марта 1918 г. В его работе участвовало 1232 делегата. После бурных дебатов за ратификацию договора проголосовало 784 делегата, против – 261, воздержалось – 115 делегатов.

Полномоченным представителем Советской России в Германии был назначен А.А. Иоффе¹, видный деятель большевистской партии, который в декабре 1917 г. возглавлял советскую делегацию на переговорах в Брест-Литовске. Тогда же Советское правительство объявило, что оно исходит из признания полного равенства больших и малых наций и поэтому упраздняются звания послов и посланников, и все представители РСФСР в иностранных государствах будут именоваться полномоченными представителями (полпредами). Такой порядок сохранялся до мая 1941 г., когда вновь были введены звания послов.

---

¹ Адольф Абрамович Иоффе (1888–1927) был выходцем из богатой еврейской семьи. Получил медицинское образование в Вене, юридическое – в Цюрихе. Посвятил жизнь делу революции. Вернувшись из ссылки после Февральской революции в Петроград, вошел в руководство партии большевиков, став до конца жизни соратником Л.Д. Троцкого. Участвовал в создании НКВД и переговорах в Брест-Литовске. В 1918 г. – полпред в Германии. Все последующие годы на дипломатической работе: член советской делегации на Генуэзской конференции, в 1922–1924 гг. – представитель РСФСР в Китае и на переговорах с Японией. В 1924–1925 гг. – полпред в Австрии.

3 германском рейхстаге обсуждение Брестского договора проходило с 18 по 22 марта 1918 г. Консерваторы, национал-либералы, партия Центра поддерживали договор. Они требовали присоединения Литвы и Курляндии к Пруссии посредством личной унии. Эстляндия и Лифляндия также должны были быть «связаны» с Германией. Социал-демократы воздержались при голосовании, отмечая насильственный по отношению России характер Брестского договора. Лишь «независимцы» голосовали против ратификации договора.

2 апреля 1918 г. малоизвестный дипломат, бывший посланник Германии в Греции, граф В. Мирбах¹ был назначен посланником в Москву.

В апреле 1918 г. оба дипломата приступили к исполнению своих обязанностей. Иоффе вручал верительные грамоты Вильгельму II 20 апреля, а Мирбах – Я.М. Свердлову 24 апреля. Как сообщал в Берлин Мирбах: вручение им верительных грамот проходило «в самой холодной обстановке», Свердлов «не предложил мне присесть и не удостоил меня личной беседы».

После вступления в силу Брестского договора Германия, казалось, могла торжествовать победу. Восточный и Кавказский фронты были ликвидированы. Не обращая внимания на протесты Москвы, германские войска продвигались дальше в пределы Советской России. Подписав мирный договор с Центральной Радой, которую в апреле 1918 г. немцы сменили на гетмана Скоропадского, Германия подчинила себе Украину. 12 мая 1918 г. Вильгельм II и австрийский император Карл Габсбург подписали соглашение о совместной экономической эксплуатации Украины. Далее немцы

---

¹ Граф Вильгельм Мирбах (1871–1918) был в 1915–1917 гг. посланником Германии в Афинах, затем представлял МИД Германии в Бухаресте, оккупированном германскими войсками, участвовал в переговорах в Брест-Литовске. Его коллега Г. Хильгер так писал о Мирбахе: «...этот средненький дипломат... не привез с собой ничего, что могло бы делать его пригодным для трудной задачи, ожидавшей его в Москве. Он не знал страну, не владел русским языком, не был достаточно осведомлен о проблемах, которые привели к большевистской революции в России».

заняли Крым, не входивший в состав Украины, двинулись на Курск, Орел, заняли Ростов-на-Дону. 12 июня 1918 г. германские войска вошли в Тбилиси. Летом 1918 г. Германия контролировала огромную территорию Центральной и Восточной Европы: от Северного до Черного моря, от Бельгии до Грузии.

Генералы, промышленники, высшая бюрократия готовились к «освоению» захваченных территорий. 3 мая 1918 г. генерал Людендорф писал канцлеру: для преодоления экономических санкций Антанты «очень важным средством станет интенсивное экономическое использование России». Через три недели он снова адресует к канцлеру с упреками: «...не делается ничего эффективного в отношении длительного экономического использования России». 16 мая магнаты тяжелой промышленности собрались у Круппа в Эссене и обсуждали проблемы «сохранения политического и военного контроля» Германии в захваченных регионах России и Украины.

Замыслы вынашивались самые грандиозные. 20 июня Мирбах сообщал в Берлин: необходимо найти путь к временному правительству Сибири, «...если эта комбинация удастся, то окажется самой значительной, так как в ней заключена возможность политического и особенно экономического развития, которые могут распространиться вплоть до Тихого океана». Через несколько дней он же пишет статс-секретарю Кюльману: если удастся привлечь на свою сторону сибиряков, «то перед нами открылись бы более широкие перспективы на базе использования природных богатств Сибири».

2–3 июля в Ставке германского верховного командования в г. Спа под председательством Вильгельма II прошло совещание по России, на котором было решено:

- побудить советское правительство «сотрудничать против англичан в Восточной Карелии и на Мурманском побережье»;
- «сейчас не следует добиваться свержения большевистского правительства»;
- «привлечь на свою сторону донских казаков»;

– добиваться признания Грузии советской Россией и воспрепятствовать продвижению турок к Баку;

– военные корабли черноморского флота России (не решал вопроса об их собственности) использовать в наших военных целях.

Это была целая программа действий для дипломатов и военных Германии.

Важной особенностью политики Германии на протяжении всего брестского периода была её заинтересованность в сохранении в России власти большевиков. 13 мая Мирбах записывал: «Реализация наших интересов требует продолжения поддержки большевистского правительства. Если оно падет, то его наследники будут более благосклонны к Антанте». Встреча 16 мая германского представителя с В.И. Лениным укрепила его в этом мнении. В донесении в МИД Мирбах подчеркивал, что Ленин «как и раньше, намерен отстаивать с величайшей настойчивостью» Брест-Литовский мирный договор. Любое другое правительство, которое заменит правительство Ленина, будет проантантовским и восстановит Восточный фронт.

Молодая и неопытная советская дипломатия стремилась, со своей стороны, остановить дальнейшее продвижение германских войск за пределы демаркационной границы, установленной в Брест-Литовске, и положить конец германскому вмешательству во внутренние дела Советского государства. Дипломатическая переписка между Москвой и Берлином заполнена постоянными протестами советской стороны по поводу нарушений Германией условий Брестского мира. Так, 30 мая 1918 г., заявляя протест в очередной раз, Иоффе подчеркивал: «...продолжается состояние войны при формальном заключении мира».

Дипломатическое представительство в Берлине тогда было единственным для Советской России если не «окном», то «форточкой» в воюющую Европу, поэтому в составе миссии работало много видных большевиков. Генеральным консулом в Берлине был В.Р. Менжинский, генеральное консульство в Гамбурге возглавлял Г.А. Соломон. Первым секретарем полпредства был В.М. Загорский. В разное время в Берлине работали Л. Красин,

К. Радек, Ю. Ларин, Г. Сокольников, бывали Н. Бухарин, Х. Раковский, Ф. Дзержинский.

Но ситуация осложнялась непростыми отношениями, которые сложились тогда у полпреда с наркомов. Амбициозный и самоуверенный Иоффе, занимая высокое положение в партийной иерархии, тяготился тем, что ему приходилось подчиняться НКВД и Чичерину. Зачастую он обращался непосредственно к Ленину, Троцкому, Свердлову, игнорируя скромного наркома. Иоффе настаивал, чтобы ему «передали всю Европу», чтобы НКВД выполнял его указания. Иоффе жаловался Ленину, что НКВД – это «ничего не умеющие делать Чичерин, Карахан, Радек».

Чичерин, со своей стороны, не обращая внимания на эти наскоки, настойчиво и спокойно инструктировал полпреда, чтобы он требовал от правительства Германии прекратить нарушения условий Брестского договора, остановить продвижение германских войск в глубь России. В мае 1918 г. Чичерин писал в Берлин Иоффе: «Ставка на “передышку” с неизбежностью влечет за собой “реальную политику”, а она сводится к тому, чтобы заманивать немцев реальными выгодами, могущими проистекать для них от мира с нами». Чичерин считал, что Иоффе сможет «разъяснить правительству в Берлине, что в его интересах обеспечить, чтобы у нас не разваливался транспорт и вообще не ослаблялось наше производство, что в его интересах не отрывать нас от Юга с его углем...».

С целью налаживания экономических отношений в Берлин был направлен Л.Б. Красин, который хорошо знал Германию, ибо до войны работал инженером на заводах Симменса. Был подготовлен список товаров, которые Россия могла бы поставлять в Германию. Ничего из этого не вышло.

Иоффе считал, что он лучше, чем в Москве, знает обстановку в Германии и нередко действовал самостоятельно, не согласовывая предварительно свои решения с НКВД. Большое возмущение у Ленина вызвало то, что Иоффе без согласования с Москвой согласился на передачу Германии судов российского черноморского флота на условиях, предложенных германской стороной. 24 мая

Ленин писал в Берлин: «Как мог Иоффе сделать такую ошибку?... Как можно было вообще по столь важному вопросу посылать ноту от себя, не посоветовавшись, не понимаю». Через несколько дней Ленин пишет Красину, находившемуся тогда в Берлине: «Я вполне ценю работу Иоффе... но настоятельно требую, чтобы Иоффе держал себя как посол, выше которого нарком иностранных дел, и соблюдал приличия, не ругаясь и не третируя других, запрашивая обо всем важном наркома иностранных дел. Только тогда я могу и буду поддерживать посла Иоффе. Надеюсь на Ваш такт для внушения этого послу Иоффе...».

Как известно, 18 июня 1918 г. по указанию Ленина большая часть судов Черноморского флота была затоплена в Новороссийске.

Одним из немногих позитивных результатов деятельности советского полпредства в Берлине стало подписание 24 июня 1918 г. Протокола о взаимном обмене военнопленными. Началась постепенная репатриация военнопленных, которых находилось в Германии в конце 1917 г. около 1,7 млн человек.

Помимо официальной дипломатической работы, полпредство в Берлине занималось ещё и неофициальной работой. Как деликатно писала в своих воспоминаниях дочь полпреда Н.А. Иоффе: работники полпредства «помогали немецким товарищам готовить революцию». Через полпредство поступали значительные суммы денег, которые шли на издание антимонархической и антивоенной литературы. Направленный в Берлин финансовый ревизор был поражен расточительностью Иоффе и его полной некомпетентностью в финансовых вопросах. Огромные деньги выдавались «немецким товарищам» без всяких расписок в получении.

Но не следует думать, что антиправительственная деятельность была уделом лишь большевиков. В Москве Мирбах и его сотрудники активно искали контактов с различными антибольшевистскими силами. Американский посол Фрэнсис сообщал 20 мая 1918 г. из Вологды: «Мирбах поддерживает связи с кадетами и антикоммунистами и планирует переворот». Из Берлина кайзер Вильгельм II требовал от Мирбаха договариваться прежде всего с

монархистами, упрекал его в медлительности. 21 июня кайзер писал: «Надо было немедленно после Бреста установить связь с монархистами и другими кругами... Мирбах абсолютно игнорировал мои неоднократные предупреждения о том, что нельзя слишком переоценивать большевиков...». Оправдываясь перед кайзером, Мирбах писал Кюльману, что его контакты и переговоры с врагами большевиков показали возможность соглашения лишь в случае, если «Германия по собственной инициативе пересмотрит хотя бы некоторые пункты Брестского договора». Но для германских правящих кругов это было неприемлемо. 29 июня Мирбах получил указание из Берлина продолжать работать с Советским правительством.

Испытанием для германо-советских отношений явилось убийство 6 июля 1918 г. левыми эсерами графа Мирбаха. В первом сообщении Советского правительства об этом событии говорилось: «Россия теперь... на волосок от войны». Иоффе в своем отклике из Берлина писал: «Убийство Мирбаха настолько на руку немцам, что я в первый момент подумал, не сами ли они это подстроили. Главная тенденция их последней политики – попытаться втянуть нас в вооруженный конфликт с Антантой. Убийство Мирбаха очень удобно может быть использовано в этом направлении». Для немцев, добавлял полпред, очень хотелось бы доказать участие Антанты в этом убийстве.

Но серьезных последствий убийство Мирбаха не имело. Как раз в июле 1918 г. развернулись ожесточенные бои на Западном фронте, от исхода которых зависела судьба всей войны. Немцам совсем не с руки было менять формат отношений с Россией. Ленин, Свердлов, Чичерин посетили посольство Германии и принесли извинения в связи с гибелью Мирбаха. Требование Германии о вводе батальона немецких войск в Москву для охраны посольства было отклонено. По этому поводу Чичерин заявил: «Россия не желает быть низведенной до уровня колониальной страны, подобно Марокко».

8 июля был смещен со своего поста Кюльман и новым статс-секретарем по иностранным делам был назначен контр-адмирал

Гинце. Его мнение об отношениях с Россией сводилось к следующему: «У нас нет оснований желать быстрого конца большевизма. Большевики не вызывают симпатий и олицетворяют собой зло, но это не помешало нам подписать с ними мирный договор в Бресте, а после этого последовательно отнять у них значительные населенные территории. Мы добились от них всего, чего хотели».

22 июля 1918 г. новым посланником в РСФСР был назначен Карл Гельферих, видный финансовый деятель Германии, бывший директор Немецкого банка. Назначение в Москву не карьерного дипломата, а бизнесмена, очевидно, предполагала активизацию экономической экспансии в России. Но, пробыв всего несколько дней в Москве, Гельферих заявил 7 августа, что по соображениям безопасности германская миссия переезжает в Петроград, затем – в оккупированный немцами Псков. Г. Хильгер так повествует об этом: «Гельферих покинул Москву по своей собственной инициативе, пробыв в ней всего лишь десять дней. Его бегство из Москвы явилось нарушением дисциплины, совершенно необычным в истории дипломатии, и оно так и рассматривалось в министерстве иностранных дел».

Но у Гельфериха было собственное мнение по проблеме отношений с Советской Россией, которое он изложил в специальной Записке, направленной в МИД. В ней, в частности, говорилось: «Первый принцип нашей политики на Востоке состоит в том, что, пока продолжается война, нужно воспрепятствовать возникновению нового Восточного фронта... При таких обстоятельствах после заключения Брестского мира мы были очень заинтересованы в дальнейшем существовании власти большевиков». Но в России идет гражданская война и «во всех небольшевистских кругах России Германия считается сейчас опорой большевиков». Антанта использует это в своих интересах. В силу этих обстоятельств «необходимо своевременно отойти от большевиков».

Гельферих критически отозвался о парафированном к этому времени Добавочном договоре с Россией, который будет подписан 27 августа. Он писал: «Договор превосходит и является исключительно ценным дополнением и развитием Брестского мира. Одна-

ко... он усиливает впечатление нашей солидарности с большевиками, рвет мосты, ведущие к небольшевистской России».

Позиция Гельфериха не получила поддержки правительства Германии, и он подал в отставку. Отъезд германской миссии из Москвы не означал прекращения дипломатических отношений. В Москве оставалось Генеральное консульство во главе с Гаушильдом.

Добавочный договор между Германией и Советской Россией был подписан в Берлине 27 августа 1918 г. Он состоял из трех документов: русско-германского политического договора (17 статей), финансового соглашения (16 статей) и русско-германского частно-правового соглашения.

Переговоры до Добавочному договору продолжались в Берлине более полутора месяца, советскую сторону представлял Иоффе. Участвовавший в переговорах Ю. Ларин жаловался в Москву: «Иоффе не имеет кругозора для достаточно самостоятельной ориентировки», он «позволял немцам полтора месяца водить себя за нос».

Хотя Чичерин, выступая 2 сентября на заседании ВЦИК, говорил, что «эти договоры представляют для нас серьезное улучшение нашего положения», реальные выгоды для Советской России были достаточно скромными. На деле почти все фактически свелось к новым уступкам Германии. Политический договор лишь свидетельствовал: а) о признании Берлином национализации германской собственности в России (декрет о национализации иностранной промышленности был принят 28 июня 1918 г., а национализация германской промышленности была проведена еще царским правительством) и б) ограничивал дальнейшие захваты российской территории (Германия обязалась не вмешиваться в отношения Советского правительства, с отдельными областями бывшей Российской империи, Германия также брала обязательство не оказывать поддержки Турции на Кавказе).

Тяжелыми для Советской России были условия финансового соглашения, которое предусматривало уплату 6 млрд марок «для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий герман-

цев». Оплата должна была производиться золотом (245,5 т), кредитными билетами и товарами.

Выгоды для Германии по политическому договору были существенно большими. Предусматривалось отделение от России Лифляндии и Эстляндии, что выходило за рамки Брестского договора. Фактически Россия должна была признать независимость Грузии. Участник переговоров Криге, информируя союзников Германии об их итогах, подчеркивал: «Это важно для добычи там марганцевых руд». Россия обязалась удалить англичан из своих северных областей (Мурманск, Архангельск). Криге говорил: «Мы имеем право вести в этих областях военные действия против Антанты».

При обсуждений добавочного договора в рейхстаге представитель МИД говорил: «Русское правительство ни в коей мере не принуждалось к заключению договоров, которые являются лишь следствием Брестского мирного договора». Партия Центра и национал-либералы поддержали ратификацию добавочного договора. Социал-демократ Ф. Эберт (который через несколько месяцев станет президентом Германской республики) говорил, что новый политический договор выходит за рамки Брестского договора, ибо нарушает принцип самоопределения наций и мира без контрибуций. Но социал-демократы, которые воздержались при утверждении Брестского договора, воздержатся и при ратификации добавочного договора.

Итак, Советская Россия была вынуждена подписать новый несправедливый договор. Парадоксальность ситуации состояла в том, что к моменту подписания, а тем более к моменту ратификации Добавочного договора, Германия войну проиграла. До признания ею полного поражения перед странами Антанты оставались считанные недели. Ещё 14 августа на заседании Коронного совета под председательством Вильгельма II было принято решение начать мирные переговоры с Антантой. Правда, германская дипломатия тогда не смогла начать эти переговоры, и ожесточенные бои на Западном фронте продолжались. Но уже 2 сентября кайзер признает полное поражение: «Битва проиграна. Наши войска отступают без остановки, начиная с 18 июля...».

Очевидно, и в Москве и в полпредстве в Берлине плохо представляли ситуацию на фронтах мировой войны. Иоффе полагал, что Германия ещё долго сможет сражаться против Антанты. Поэтому в последние дни существования Германской империи он призывал не ссориться с немцами из-за «мелочей», за пять дней до германской революции Иоффе настаивал на отправке в Германию очередного взноса золота в объеме нескольких десятков тонн. Полпред «просмотрел» развал Четверного союза и крах Германии. Впрочем обращение нового канцлера принца Макса Баденского 4 октября 1918 г. к президенту США Вильсону с просьбой о перемирии на основе его «14 пунктов» произвело и в самой Германии впечатление разорвавшейся бомбы.

Иоффе, находившийся в постоянном контакте с левыми социал-демократами, «просмотрел» и приближение революции в Германии. 10 октября 1918 г. он писал Ленину и Чичерину: «Вообще боюсь, что Вы с революцией хватили через край...». 13 октября Иоффе снова пишет Ленину: «Вы несомненно переоценили близость германской революции». Несколько лет спустя, в 1927 г., будучи отставлен от всех постов, Иоффе будет утверждать: "Посольство в Берлине было главным штабом германской революции». Но это было явным преувеличением.

Более проницательный Л.Б. Красин, находясь в Москве, писал: «Сведения из Германии подтверждают, что там развал совершенно того же характера, как у нас в пору развала армии в 1917 г. Таким образом в этом пункте пророчества Ленина, хотя и с опозданием на несколько месяцев оправдываются».

События в Германии развивались стремительно. 5 ноября 1918 г. кайзеровское правительство разрывает дипломатические отношения с Советской Россией, ссылаясь на ведение полпредством революционной пропаганды и отказ наказать убийц Мирбаха. Ленин комментировал этот акт следующим образом: «Германия капитулирует перед Антантой и предлагает ей свои услуги в борьбе против русской революции».

9 ноября 1918 г. революция в Германии, рухнула монархия Гогенцоллернов. 2 ноября 1918 г. новое правительство Германии

подписывает Компьенское перемирие. Закончилась Первая мировая война.

13 ноября 1918 г. ВЦИК принимает решение об аннулировании Брест-Литовского договора и Добавочного договора от 27 августа 1918 г., заявив при этом – «Насильнический мир в Брест-Литовске уничтожен...». 20 ноября генконсул в Москве Гаушильд и генконсул в Петрограде Брейтер покинули территорию РСФСР.

Так закончился первый раунд отношений Германии и Советской России. Брестский мир просуществовал около полугода и обеспечил Советской власти мирную передышку. Его заключение было оправданным с точки зрения национальных интересов России. Разбитая Антантой Германия уходила из России и других регионов Восточной Европы. Материальные потери от германской оккупации российских территорий и 93,5 тонн золота (которые вскоре перекочевали в подвалы Французского банка) – вот плата Советской России за Брестский мир.

Но Советская Россия выстояла и укрепилась – главный итог германо-советских отношений в 1918 г. Теперь все силы Советской власти были брошены на борьбу с внутренней контрреволюцией и интервенцией стран Антанты.

Литература

Ахтамзян А.А. От Бреста до Киля. М., 1963.

Драбкин С. Документы посла Мирбаха // Вопросы истории. 1971. № 9.

Иоффе Н.А. Мой отец А.А. Иоффе. М., 1992.

Макаренко П.В. Две политики полпреда в Германии А.А.Иоффе // Безопасность Европы. 2002. № 1(7).

Томас Л.Я. Жизнь Г.В.Чичерина. М., 2010.

Фильштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. М., 1992.

Глава 2. НА ПУТИ В РАПАЛЛЮ (1919–1921 гг.)

Поражение Германии в войне и Ноябрьская революция 1918 г. в определенной степени сблизила внутри- и внешнеполитическое положение обеих государств. В России продолжалась гражданская война и иностранная военная интервенция. Экономика страны была разрушена. В 1920 г. промышленное производство в России сократилось в 7 раз по сравнению с довоенным уровнем, сельскохозяйственное производство составляло лишь 65% от уровня 1913 г. Немногом лучше было положение в Германии. Объем промышленного производства в 1919 г. составил 37,8% довоенного уровня, острой была проблема демобилизации многомиллионной армии. В стране уже имелось более 6 млн безработных.

Внутриполитическая ситуация в Германии характеризовалась ожесточенной борьбой различных партий и политических групп за власть, разгулом терроризма. В январе 1919 г. были убиты Р. Люксембург и К. Либкнехт, вожди германских коммунистов, затем – левые социал-демократы К. Эйсер и Г. Гаазе. Несколько позднее был убит лидер партии Центра М. Эрцбергер, подписавший Компьенское перемирие, затем – В. Ратенау, поставивший свою подпись под Рапалльским договором Германии с Советской Россией.

31 июля 1919 г. в г. Веймар была принята новая конституция, закрепившая федеративное устройство президентско-парламентской республики. Но положение в стране оставалось неустойчивым. Продолжались попытки захвата власти. Наиболее резонансным событием явился «Капповский путч» в марте 1920 г., когда была сделана попытка насильственным путем покончить с демократической республикой. За период с момента принятия конституции и до лета 1924 г. в Германии сменилось семь правительств.

28 июня 1919 г. Германия подписала Версальский мирный договор, разработанный победителями на Парижской мирной конференции. Условия мирного договора были тяжелыми. Германия потеряла 13,5% своей довоенной территории, Восточная Пруссия «польским коридором» отделялась от основной части страны. На потерянных территориях проживало 10,5% населения Германии. Создавалась «рейнская демилитаризованная зона», на левобережье Рейна размещались войска Антанты на срок от 5 до 15 лет. Военные статьи договора предусматривали фактически полное разоружение Германии. Оскорбительной для себя немцы считали статью 231, объявлявшую Германию единственной виновницей войны и поэтому обязанной возместить нанесенный войной ущерб. По статье 116 Версальского договора право на репарации получила и Россия, вклад которой в достижение победы не отрицался.

Тем не менее, хотя Германия была чрезвычайно ослаблена и поставлена под контроль победителей, целостность страны и её экономический потенциал были сохранены. Германия была необходима как весомый фактор в европейской политике.

9 июля 1919 г. Национальное собрание ратифицировало Версальский договор. Затем, в мае 1921 г., державы Антанты определили сумму репараций, которую должна была выплатить Германия – 132 млрд золотых марок. 11 мая 1921 г. правительство канцлера Й. Вирта согласилось с этой суммой и начало проводить «политику выполнения». В истории Германии начиналась новая глава.

Таким образом, экономические трудности, массовая безработица, инфляция, политическая нестабильность, возмущение «политикой выполнения» – все это характеризует повседневную жизнь Германии в начале 20-х годов. Казалось, что в этих условиях Германия и Советская Россия могли бы строить свои взаимоотношения на принципах равноправия и взаимной выгоды. Но в действительности нормализация отношений двух стран шла с большим трудом.

Первоначально новые немецкие власти полагали, что, следуя антисоветским курсом политики стран Антанты, Германия сможет смягчить условия мирного договора. Эта иллюзия ещё долго будет сохраняться в умах у части государственных деятелей страны.

В апреле 1919 г. в МИД Германии состоялось совещание по поводу отношений с Россией. По итогам обсуждения была подготовлена специальная Записка, которая констатировала следующее: «с экономической точки зрения возобновление торговых отношений было бы желательным». Но «решающими должны быть чисто политические мотивы. Именно они говорят против возобновления торговых отношений ... Кроме того, мы должны, помня о предстоящем заключении мирного договора, избегать действий, которые могли бы дать неудовольствию союзников новую пищу, а это будет именно так, когда они узнают..., что мы заключили с Советским правительством сделку, идущую во вред Антанте».

Тогда же весной 1919 г. страны Антанты несколько раз призвали Германию выступить против большевиков, поскольку в Восточной Европе ещё находилось несколько сотен тысяч немецких солдат. Но сделать это, даже чисто символически, было практически невозможно. По данным польской разведки, немецкие войска, остававшиеся весной 1919 г. в Бресте, Ковно, Белостоке «совершенно деморализованы, не способны к сопротивлению и пропитаны большевизмом».

Иной была позиция деловых кругов, особенно тех, кто в прошлом был тесно связан торговлей с Россией. В условиях хозяйственной разрухи, когда для Германии были практически закрыты западные рынки, важность восстановления экономических связей с Советской Россией становилась очевидной.

Германские политики скоро убедились, что антисоветизм отнюдь не принес им преимуществ в отношениях с Антантой. Предъявленный в Версале мирный договор развеял все иллюзии немецкой стороны, что антисоветская политика поможет им смягчить условия мира. Министерство хозяйства констатировало, что «представленный мирный договор является... лучшим доказательством того, что уклонение от экономических отношений с Россией нам по отношению к Антанте не помогло». Поэтому, когда в августе 1919 г. державы Антанты потребовали присоединения Германии к экономической блокаде РСФСР, германское правительство отвергло это требование.

Практическое становление германо-советских отношений началось с решения проблемы русских военнопленных. За период с марта по октябрь 1918 г. из германского плена в Россию вернулось более 200 тыс. человек. Но оставалось в Германии их еще много. Положение их было тяжелым. Н.И. Бухарин рассказывал о своих впечатлениях от встречи с возвращающимися из плена солдатами на станции Орша. «Вся станция забита военнопленными, все они буквально раздеты, без сапог, без одежды... Эти военнопленные страшно озлоблены, я сам слышал их угрозы все разнести у нас».

Осенью 1919 г. обе стороны договорились об обмене уполномоченными по делам военнопленных. С советской стороны им стал В.Л. Копп. 20 февраля 1920 г. он был официально признан германскими властями в качестве уполномоченного по делам военнопленных.

19 апреля 1920 г. было подписано первое официальное соглашение между Германией и РСФСР «Об отправке на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц». Затем было достигнуто соглашение о правах и функциях миссий по делам военнопленных, а уполномоченные получили статус «агента с правом дипломата».

Борьба против Версаля объединила в Германии различные политические силы. В правительственном лагере формируется группа лиц, выступавших за большую самостоятельность во внешней политике, прежде в отношениях с Советской Россией (И. Вирт, З. Ратенау, А. Мальцан, генерал Сект и др.). Крупный бизнес также подает свой голос за восстановление экономических связей с Россией. Руководители концерна «АЭГ» обратились с посланием к президенту Ф. Эберту, в котором говорилось: «германская политика в отношении России не имеет больше времени для пассивного ожидания». Даже министр иностранных дел Симоне, выступая в рейхстаге, говорил, что Версальский договор «не запрещает признавать Советскую республику».

Всплеск интереса к отношениям с Россией был обусловлен и событиями войны Польши и Советской России. 20 июля 1920 г. правительство Германии заявило о своем нейтралитете в этой войне.

Когда же части Красной Армии стали выходить к границам Восточной Пруссии, в Берлине заговорили о необходимости проведения советско-германской конференции. 5 августа 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) была сформирована делегация во главе с А.А. Иоффе для участия в этой конференции. Но, когда поляки одержали победу, немецкая сторона отказалась от ее проведения.

Предлогом для срыва переговоров послужил выдвинутый Берлином вопрос о новых извинениях за убийство Мирбаха. На протяжении нескольких месяцев эта проблема обсуждалась обеими сторонами. В ответ на сообщение В.Л. Коппа, что министр Симонс ставит вопрос об извинениях за убийство Мирбаха как предварительное условие начала переговоров о нормализации отношений, Г.В. Чичерин писал следующее: «Публичное удовлетворение за это достойное глубокого сожаления событие в свое время имело место. Что, однако, не произошло, так это наказания убийц, которые... скрылись на Украине, в чем повинны оккупационные власти на Украине».

Позднее наркому пришлось убеждать и самого В.Л. Коппа, склонявшегося к принятию требования немецкой стороны. 31 августа Чичерин инструктировал Коппа: «Необходимо, чтобы Вы самым решительным образом положили конец стремлениям немцев воскрешать все свои старые требования... Скажите немцам раз навсегда, чтобы они отказались от подобных методов». И далее – «Вообще мы не видим, почему нам быть по отношению к ним столь уступчивыми. Экономические отношения с ними полезны. Но полезны и для них. Мы хотим у них но покупать, они хотят продавать. Если они Вас шантажируют, то будьте тверды и не поддавайтесь».

Наконец, в сентябре 1920 г. нарком информирует Коппа: «Политбюро окончательно и категорически высказалось против какого бы то ни было возвращения к делу Мирбаха в какой бы то ни было форме... Ни устно, ни письменно, ни в какой бы то ни было форме мы не намерены извиняться по делу Мирбаха». Далее, Чичерин подчеркивал: «Наше сближение с Германией должно быть основано не на этих нелепостях, а на широком понимании политических и экономических интересов».

Ни в 1919, ни в 1920 гг. не удалось совершить сколько-нибудь серьезного прорыва в германо-советских отношениях. Преобладающим в правящих кругах Германии оставалось убеждение в непрочности большевистского режима в России. Как писал в своих мемуарах Г. Хильгер, осенью 1920 г. в Германии «по-прежнему переоценивали как силу внутренней оппозиции, так и белых армий». Кроме того, начав ориентироваться во внешней политике на Англию (эта ориентация станет доминантой европейской политики Германии на протяжении всех 20-х годов), Берлин и в отношениях к России стремился не раздражать британские власти. Так, 20 сентября 1920 г. в разгар споров по делу Мирбаха МИД Германии в специальной Записке подчеркивал, что нормализация отношений с Советами «может вызвать впечатление, будто бы это направлено против Англии. Было бы предпочтительнее предпринять этот шаг совместно с Англией...».

Хотя экономический кризис 1920–1921 гг. затронул Германию несколько меньше, чем Англию или США, индекс промышленного производства был далек от довоенного уровня. Инфляция обрела астрономические масштабы. В этих условиях немецкие предприниматели явочным порядком налаживают торговые связи с Россией. В 1920 г. экспорт из Германии в РСФСР составил 296 млн марок, доля Германии в советском импорте достигла 22%. Побывавший в Германии летом 1920 г. профессор Ю.В. Ломоносов на совещании в НКВТ говорил: «В Германии мы бы могли получать все, что нам нужно».

Разгром Врангеля и фактическое окончание гражданской войны в России круто меняют политическую обстановку в стране и на сопредельных территориях. РСФСР подписывает договоры о взаимном признании со странами Балтии и Финляндии, затем с Турцией, Ираном, Афганистаном, Польшей. В январе 1921 г., выступая в рейхстаге, министр иностранных дел Симонс был вынужден уверять депутатов, что никто не сможет вытеснить Германию с русского рынка, ибо только немцы обладает необходимыми знаниями России. В сложившихся экономических условиях Германия все более остро нуждалась в российском рынке.

Перед юристами германского МИД встала проблема: должна ли речь идти об «установлении» или «восстановлении» дипломатических отношений между Германией и РСФСР? Брестский договор, содержащий взаимное признание двух государств, был аннулирован 11 ноября 1918 г. по условиям Компьенского перемирия, и 13 ноября 1918 г. – решением ВЦИК РСФСР. Но 26 ноября 1918 г. Советское правительство заявило о признании правительства Германской республики. Ответной реакции из Берлина не последовало.

В январе 1919 г. Юридический отдел МИД пришел к следующему выводу: аннулирование Брест-Литовского и Добавочного договоров «не имело следствием... возобновление состояния войны между Германией и Россией. Состояние мира, установленное Брест-Литовским мирным договором, является фактом, который не был уничтожен позднейшим аннулированием договора».

Эту позицию подтвердил Симонс, выступая 21 января 1921 г. в рейхстаге. Он говорил: «Весной 1918 г. мы признали Советское правительство как договаривающуюся сторону... и на это не влияет аннулирование его, навязанное нам Антантой. Следовательно, само по себе признание Советского правительства ещё сохраняет законную силу; но, равным образом, все ещё продолжается состояние разрыва нормальных дипломатических отношений, которое произошло осенью 1918 года».

Иными словами, взаимное признание государств сохранялось и речь должна была идти о восстановлении дипломатических отношений.

В начале января 1921 г. глава репатриационной комиссии В.Л. Копп был признан германским правительством в качестве «полномочного торгового представителя РСФСР». Тогда же в январе 1921 г. в Москве появился М. Шлезингер с аналогичными полномочиями. 18 февраля между германскими и советскими представителями был согласован проект соглашения о статусе торговых представительств. Но подписание его задерживалось: в Берлине вдали исхода переговоров Л.Б. Красина в Лондоне.

На дальнейшее развитие германо-советских отношений определенное влияние оказали два события, происшедших в марте 1921 г.

Первое. В марте 1921 г. в Верхней Силезии состоялся плебисцит. Хотя большинство населения склонилось за присоединение к Германии, решением Лиги Наций наиболее развитый экономически район был передан Польше. Это вызвало большое возмущение в Германии. В Берлине убедились, что односторонняя лояльность Германии Западу не приносит существенных дивидендов.

Второе. 16 марта 1921 г. был подписан англо-советский торговый договор. Практически Лондон де-факто признавал Советскую Россию. Это произвело обескураживающее впечатление в правительственных кругах Германии. Нельзя было отставать.

6 мая 1921 г. было подписано Временное соглашение Германии и Советской России, включавшее 17 статей. Правительство Германии признавало правительство РСФСР единственным законным правительством на территории России. Признавался также принцип государственной монополии внешней торговли. Чичерин писал: «Договор с Германией есть по своему содержанию торговый договор и договор о представительстве». По договору в Москве и Берлине учреждались представительства с дипломатическими привилегиями и консульскими функциями. Устанавливалась экстерриториальность зданий, неприкосновенность имущества, право пользования средствами связи.

Это соглашение шло дальше англо-советского договора, ибо по духу выходило за рамки признания де-факто, а приближалось к признанию де-юре. 10 мая 1921 г. газета «Известия» опубликовала статью, посвященную соглашению, под заголовком «Новый дипломатический успех». Это был успех не только советской дипломатии. Это был первый самостоятельный внешнеполитический акт Веймарской Германии. Был сделан важный шаг по пути в Рапалло.

25 июня 1921 г. К. Виденфельд назначается главой германского представительства в Москве, свои верительные грамоты он вручил 19 сентября. Встал вопрос и о назначении советского дипломатического представителя в Берлин, ибо В.Л. Копп по ряду причин уже не подходил к этой роли. Чичерин писал 14 июля 1921 г. В.И. Ленину: «...от нашего представителя в Берлине в значительной мере зависит судьба нашего дела... Необходимо всеми силами

препятствовать блокированию немцев с англичанами и французами для эксплуатации России». Было предложено назначить на этот пост Н.Н. Крестинского¹, бывшего до этого наркомом финансов и входившим в состав Политбюро. Но при этом назначении не обошлось без дипломатического скандала. Первоначально германское правительство отказалось признать Крестинского «персона-грата», потому что он де является «слишком известным коммунистом». В Москве это объяснение справедливо сочли оскорбительным. Лишь 21 октября это назначение состоялось, а 15 ноября 1921 г. Н.Н. Крестинский вручил свои верительные грамоты канцеларю Й. Вирту для передачи президенту Ф. Эберту. В Берлине Крестинский будет работать до 1930 г. и внесет большой вклад в развитие отношений между СССР и Германией.

С подписанием Временного соглашения 6 мая 1921 г. процесс развития экономических связей двух стран пошёл быстрее. Так, на протяжении 1921 г. были созданы совместные германо-русские общества: «Дерутра» – по транспортировке грузов в Россию (действовало до середины 30-х гг.), «Деруметалл» – по вывозу в Германию металлолома (работало до 1924 г.), «Дерулюфт» – воздушное сообщение Кенигсберг–Москва (действовало до середины 30-х гг.). В 1921 г. импорт из Германии составил 54 млн рублей (по ценам 1913 г.), и Германия вышла на 2-е место во внешней торговле РСФСР (26,1% импорта), Англия оставалась на 1-ом (29,1% импорта России). Из Германии ввозили металлоизделия, паровозы, машины. Экспорт из России в Германию: лес, лён, меха, асбест.

---

¹ Николай Николаевич Крестинский (1883–1938) – активный участник революционного движения. Окончил Петербургский университет, юрист. Летом 1917 г. избран членом ЦК партии большевиков. В период брестских переговоров держался нейтрально: не поддерживал Ленина, но и не выступал против него. В августе 1918 г. стал наркомом финансов, вошел в первый состав Политбюро. С осени 1921 г. по 1930 г. – полпред в Германии. Участвовал в разработке торгового договора 1925 г. и договора о нейтралитете 1926 г. В ноябре 1927 г. написал письмо Троцкому, в котором отмежевался от его позиции. С 1931 г. – первый заместитель наркома иностранных дел. Оставил за собой «германское направление». В 1937 г. – арестован и затем расстрелян.

Сотрудничество двух стран развивалось не только в политической или экономической сферах. Летом 1921 г. в Советской России разразился тяжелейший голод. Немецкие общественные организации оказали существенную помощь в борьбе с голодом и эпидемией тифа. С лета 1921 г. по апрель 1922 г. профсоюзы Германии собрали 3,7 млн марок, КПГ – 2 млн марок для оказания помощи голодающим.

Экономическая разруха, охватившая Европу после окончания войны, требовала принятия срочных мер по ее преодолению. Осенью 1921 г. имеет место обсуждение того, каким образом добиться экономического восстановления Европы. Все чаще в этих обсуждениях упоминается Россия, её ресурсы, экономический и людской потенциал. В Москве внимательно отслеживали эти новые тенденции в политике европейских держав. Переход к НЭПу, казалось, внушал определенные надежды на перерождение существующего режима.

Советское правительство направило в октябре 1921 г. ноту правительствам держав Антанты. В ней, в частности, говорилось: «С самого начала своего существования Советское правительство ставило одной из основных целей своей политики экономическое сотрудничество с другими державами... Совершенно очевидно, что нельзя думать об установлении полного мира без России, что нельзя победить разруху, оставляя в России развалины, и что вопрос о взаимоотношениях между Россией и остальным миром... не может быть разрешен без соглашения с Советским правительством». Иными словами, Советская Россия была открыта для равноправных переговоров с другими государствами для решения экономических и иных проблем, стоявших перед тогдашней Европой.

Британское правительство взяло на себя инициативу решения в комплексе проблемы «восстановления Европы» и «русского вопроса». В декабре 1921 г. в Лондоне прошел ряд важных встреч премьер-министра Д. Ллойд Джорджа с Л.Б. Красиным, главой германского концерна «АЭГ» В. Ратенау, который в конце января 1922 г. станет министром иностранных дел в кабинете Й. Вирта, и премьер-министром Франции А. Брианом. В ходе переговоров де-

лаются попытки связать воедино и «восстановление» экономики Европы, и «русский вопрос», и «германский вопрос».

Красин заявил, что начинать нужно с полного дипломатического признания РСФСР и отверг любые попытки установления иностранного контроля над экономикой Советской России. Ратенау показал себя сторонником создания «международного консорциума» с участием Германии для «восстановления» России. Наиболее важными были проходившие 19–21 декабря 1921 г. переговоры Ллойд Джорджа с Брианом. Британский премьер убеждал своего коллегу, что «будущей опасностью будет взаимопонимание между Россией и Германией. Россия не будет всегда оставаться страной беспорядка и анархии, но превратится в могущественное государство... Третируя Россию, Англия и Франция превратят её во враждебное для них государство и толкнут в объятия Германии... Германия будет искать союза с Россией... Мы должны будем тогда столкнуться с особенно мощной и враждебной силой».

В конечном счете, два премьера договорились о создании международной финансовой организации «с целью предоставления капитала для восстановления промышленности и транспорта в Европе». Предполагалось и участие Германии в данном проекте. Прибыль, получаемая Германией от участия в этом консорциуме, должна была частично идти на выплату репараций. Однако во Франции пришли к выводу, что реализация намеченного проекта укрепит позиции Англии и Германии. Это обстоятельство явилось одной из причин падения в январе 1922 г. кабинета Бриана и прихода к власти правительства Пуанкаре, взявшего жесткий курс политики в отношении Германии.

Лондонские переговоры в декабре 1921 г. явились шагом на пути к созыву Генуэзской конференции. Решение о её проведении было принято на сессии Верховного Совета Антанты в январе 1922 г. в г. Канн. В Каннской резолюции, как известно, содержался пункт о признании равноправия государств с различным социальным строем, что с удовлетворением было воспринято в Москве. На конференцию в Геную приглашались европейские государства, включая побежденную Германию и непризнанную тогда великими державами Советскую Россию.

В Германии с Генуэзской конференцией связывали надежды на возможное снижение репарационного бремени. Что касалось России, то в начале 1922 г. министерство хозяйства Германии, обобщив пожелания фирм, намеревавшихся действовать на российском рынке, рекомендовало: «По возможности действовать так, чтобы ещё до начала переговоров в Генуе ускорить заключение договоров с российскими экономическими представителями в Берлине. Предложения делать по возможности доверительно. Если в Генуе дело дойдет до учреждения международного синдиката для экономического освоения России, то уже существующие договоры должны остаться в неприкосновенности. Поэтому настоятельные немецкие интересы требуют, чтобы договоры такого рода были заключены. Предположительно Германия будет участвовать в синдикате лишь определенной процентной ставкой, которая не соответствует её географическому положению и её прежним экономическим отношениям с Россией».

При этом Союзы предпринимателей Германии, выступая за развитие торговли с Россией, подчеркивали, что хотели действовать на российском рынке самостоятельно, а не в качестве субподрядчиков стран Антанты.

Готовясь к Генуэзской конференции, советское руководство считало необходимым и возможным не допустить образования единого фронта держав и стремиться к сепаратным соглашениям с отдельными странами. Наиболее подходящим вариантом было бы предварительное соглашение с Германией, поскольку там были противники участия в предполагаемом консорциуме.

Получив информацию о существовании в бизнес-элите Германии сторонников достижения договоренности с Россией, Ленин поручил немедленно начать переговоры. Они начались 17 января 1922 г., с советской стороны их вел Крестинский. Обсуждались вопросы признания де-юре, взаимного отказа от финансово-экономических претензий, предоставления кредитов. Немецкие участники переговоров высказывали претензии по поводу национализации германской собственности, делались попытки если не добиться отмены монополии внешней торговли, то как-то обойти

её. Немцы настаивали на отказе России от статьи 116 Версальского договора, которая относилась к числу получателей репараций. Стиннес утверждал: «Если мы вам помогаем, то статья 116 не должна в этом случае остаться в силе». Но поскольку прогресса в переговорах не наблюдалось, Чичерин телеграфировал 3 февраля 1922 г. Крестинскому: «Статья 116 есть для нас способ давления, и мы не можем себя связать в этом отношении, пока германское правительство занимает нынешнюю враждебную позицию против нас».

После 17 февраля 1922 г. переговоры в Берлине были прекращены из-за отсутствия приемлемой основы соглашения и возобновились лишь 1–4 апреля 1922 г., когда советская делегация проездом в Геную прибыла в Берлин. В ходе этого этапа переговоров Чичерин выдвинул проект договора, предусматривающего полное восстановление дипломатических отношений, отказ от финансовых и имущественных претензий, включая национализацию промышленности.

И на этом этапе переговоры ни к чему не привели. 4 апреля Чичерин телеграфировал в Москву: «Немцы вели переговоры с нами, чтобы показать, что они якобы хотят соглашения с нами, но по всему видно, что в действительности они хотели, чтобы ничего не вышло».

Накануне Генуэзской конференции канцлер Вирт и министр иностранных дел Ратенау не хотели противопоставлять свою позицию мнению западных держав, надеясь на их уступки в репарационном вопросе.

Литература

- Ахтамзян А.А.* Из истории германской внешней политики накануне Рапалло // Вопросы истории. 1972. № 1.
- Ахтамзян А.А.* Профили рапальской дипломатии. М., 2009.
- Росенко И.А.* Советско-германские отношения (1921–1922). М., 1965.
- Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1916–1921 гг. Иваново, 2006.
- Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930) и капиталистический мир. СПб., 2002.

Глава 3. РАПАЛЛО В ДЕЙСТВИИ (1922–1925 гг.)

В истории германо-советских отношений межвоенного периода самым значительным событием является, безусловно, договор, подписанный 16 апреля 1922 г. в Рапалло в период работы Генуэзской конференции. Имеется большая литература, посвященная этому договору. Термины «рапальская политика», «дух Рапалло» надолго вошли в лексикон политиков и дипломатов, а впоследствии – историков и публицистов.

Рапальская политика – это первый опыт установления взаимовыгодных отношений государств с различными социальными системами: социалистической и капиталистической. Для СССР Рапалло – это выход из дипломатической изоляции, возможность использования экономического потенциала Веймарской Германии для проведения индустриализации страны. Для Германии – это также выход из дипломатической изоляции, возможность ослабления версальского гнета, обретения экономических выгод от экономического сотрудничества с СССР. «Дух Рапалло» выражал политическое, экономическое, научно-техническое сотрудничество двух стран, которое не наносило вреда никакой другой стране.

Рапальская политика в отношениях двух стран охватывает период с 1922 по 1932 гг. Её творцами с советской стороны были В.И. Ленин, Г.В. Чичерин, Н.Н. Крестинский, с германской – Й. Вирт, У. Брокдорф-Ранцау, А. Мальцан.

Каждая круглая дата Рапальского договора вызывает всплеск высказываний и оценок его значения. После окончания Второй мировой войны в ФРГ и других странах Запада сохранялась высокая оценка этого договора, как направленного на сближение Германии и Советского Союза. Однако в последние годы, после распада СССР, начинают преобладать негативные оценки Рапалло. Так, в апреле 1992 г. в связи с 70-летием рапальского договора немецкая газета «Ди Цайт» отмечала: «Рапалло – это исторический

реликт, о котором лучше не говорить, поскольку он производит лишь недоразумение». В Польше и Франции имеют место высказывания, что не Версальский договор и мюнхенское соглашение, а договор в Рапалло привел к возникновению Второй мировой войны.

Как было отмечено, решение о созыве экономической конференции европейских государств было принято на Каннском совещании стран Антанты 6–13 января 1922 г. Итальянское правительство 7 января направило приглашение правительству РСФСР, которое было принято. Хотя не все пункты Каннской резолюции были приемлемы для Советской России, в Москве началась подготовка к конференции. Создан был единый дипломатический фронт всех советских республик, которые поручили РСФСР представлять их интересы в Генуе.

Генуэзская конференция с участием 29 стран работала с 10 апреля по 19 мая 1922 г. Хотя премьер-министр Италии Факта, открывая конференцию, провозгласил: «ни победителей, ни побежденных», её работа проходила в обстановке острой дипломатической борьбы. С яркой речью на пленарном заседании выступил Г.В. Чичерин, который декларировал принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, а также призвал к радикальному сокращению вооружений и запрещению новейших средств ведения войны.

Советской делегации был вручен меморандум, разработанный в 1922 г. на лондонском совещании экспертов. В этом документе содержались требования выплаты Россией довоенных и военных долгов, реституции иностранной собственности, отмены государственной монополии внешней торговли. При этом за Советской Россией признавалось право на получение с Германии репараций по статье 116 Версальского договора, а также признавалась проведенная царским правительством конфискация немецкой собственности и аннулирование германских долгов. Делалось всё, чтобы не допустить сближения Германии и РСФСР.

14 апреля 1922 г. в резиденции британского премьера Ллойд Джорджа на вилле Альбертис начались полуофициальные перегово-

воры советских представителей с главами делегаций стран Антанты. Стала очевидной иллюзорность надежд германских политиков на смягчение условий Версальского договора. Когда стало известно, что Англия и Франция начали переговоры с советскими делегатами, Ратенау дважды письменно и один раз по телефону просил Ллойд Джорджа о встрече, и все три просьбы были отклонены. Немцы хотели объяснить, что приехали в Геную с свободными руками, не имея никаких обязательств перед советской Россией.

В конечном счете, А. Мальцан, глава Восточного отдела МИД Германии, по поручению Ратенау установил связь с советской делегацией, и днем 15 апреля начались переговоры Мальцана с Иоффе и Раковским. Мальцан заявил, что для Германии было бы приемлемым продолжить начатые в Берлине переговоры. Сразу после встречи с советскими представителями Мальцан отправился к англичанам и информировал их о ходе переговоров, сетуя, что германская делегация не допущена к встречам на вилле Альбертис. Англичане проявили сдержанность и незаинтересованность, полагая, что Германия и Советская Россия вряд ли решатся на отдельный договор.

Информация и слухи о том, что якобы Ллойд Джордж и Чичерин договорились по всем вопросам, поступали на протяжении всего дня 15 апреля. Мальцан записывал в дневнике: «В довольно подавленном настроении мы вернулись домой». Состояние неопределенности не могло продолжаться бесконечно. Как повествует Мальцан: «Ночью около 1 час. 15 мин. мне позвонил Иоффе и сказал, что русская делегация готова вступить в новые переговоры с германской делегацией и была бы признательна, если бы мы с этой целью прибыли в Рапалло». На вопрос Мальцана Иоффе ответил, что соглашение с Англией и Францией ещё не достигнуто, но перспективы соглашения имеются. Затем имело место знаменитое «пижамное совещание» германских дипломатов, на котором было решено принять приглашение русских.

Утром 16 апреля в Берлин была отправлена телеграмма: «Здесьняя политическая обстановка в целом требует, по-видимому, подписания отдельного соглашения с Россией с целью обеспече-

ния германских прав... Все находящиеся здесь представители партий и эксперты настойчиво высказываются за заключение договора, чтобы избежать изоляции».

Вечером 16 апреля Чичерин и Ратенау подписали выработанный текст договора и обменялись письмами, которые рассматривались как дополнение и разъяснение договора. Канцлер Вирт непосредственного участия в переговорах не принимал, но полностью его поддержал.

17 апреля в телеграмме в Москву Литвинов дал свою версию происшедших событий: «Наши полуприватные переговоры с Верховным Советом (Антанты) вселили тревогу в души немцев, и Ратенау ни жив, ни мертв прибежал к нам вчера и предложил, не сходя с места, подписать то самое соглашение, от которого он уклонился при нашем проезде в Берлине».

По Рапалльскому договору, состоявшему из шести статей, стороны устанавливали дипломатические отношения в полном объеме. Они взаимно отказывались от всяких финансовых претензий друг к другу, т.е. Советская Россия от права на репарации по ст. 116 Версальского договора, а Германия – от претензий на возмещение за национализированную собственность. Это создавало важный прецедент в отношениях Советской России и Германии с другими государствами.

Важным было не только содержание договора, важен был сам факт его подписания, что произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Это был удар по державам-победительницам, поэтому особенно бурной была реакция Англии и Франции. Германию обвиняли в «нелояльности», делалась попытка заставить её отказаться от договора с Советской Россией. Германский посол сообщал из Лондона: «Подписание германо-русского Рапалльского договора явилось здесь громом среди ясного неба... вся пресса (кроме “Дейли геральд”) осуждает наши действия». Деловые круги Сити «придерживаются мнения, что этим соглашением создан прецедент, который способен существенно укрепить позицию России при ее переговорах с другими государствами не в пользу последних».

Германский посол в Вашингтоне, в свою очередь, телеграфировал в Берлин: «Госдепартамент рассматривает любые переговоры с Советами как нежелательные».

Круто изменилась обстановка и на самой Генуэзской конференции. Продолжались заседания, но главная интрига была утрачена. Последнее заседание состоялось 19 мая 1922 г., выступая на котором, Чичерин отметил как положительный момент сам «факт собрания всех европейских государств без различия победителей и побежденных и без различия систем собственности» для экономического возрождения Европы. Продолжением Генуэзской конференции явилась конференция в Гааге летом 1922 года, но туда Германию уже не пригласили.

Неоднозначной была реакция на Рапалльский договор и в самой Германии. 9 мая 1922 г. Ратенау получил письмо из Берлина, в котором, в частности, говорилось: «Здесь существует сильная группа, которая резко критикует заключение русского договора. Во главе этой группы стоит рейхспрезидент...».

Приходилось оправдываться, говорить о «вынужденном» для Германии решении вопроса о договоре с Советской Россией. Мальцан сообщал в Берлин 20 апреля 1922 г.: «...Мы действительно целую неделю были исключены из переговоров Антанты с Россией... Не оставалось никакого сомнения, что после Пасхи русские заключили бы договор с французами... ..Во всех выгодах, которые обеспечила бы себе Антанта, мы бы не имели никакого участия. Мы должны были их опередить». Канцлер Вирт, выступая в рейхстаге, подчеркивал: «Антанта вынудила нас достичь прямого соглашения с Россией».

Но одновременно констатировалось, что Германия с подписанием Рапалльского договора выходит из дипломатической изоляции, начинает проводить самостоятельную внешнюю политику. Ратенау говорил в рейхстаге: «Целый ряд наций понял, что Германия снова вышла в Европе на политическую арену». Показателем поддержки Рапалльского договора основными политическими силами и общественным мнением явился факт, что ратифицирован договор был германским рейхстагом 4 июля 1922 г. единогласно.

ВЦИК ратифицировал Рапалльский договор еще раньше 16 мая 1922 г.

В истории взаимоотношении Германии и Советской России открывалась новая страница. 7 июня 1922 г. был подписан протокол о передаче зданий посольств в Берлине и Петрограде, начались переговоры о выработке консульской конвенции, соглашения по почтовым посылкам, воздушному сообщению, по вопросам судоходства и рыболовства. 2 августа 1922 г. Н.Н. Крестинский уже в новом качестве полномоченного представителя (посла) РСФСР вручил верительные грамоты президенту Ф. Эберту. Германский посол граф У. Брокдорф-Ранцау¹ вручил свои верительные грамоты М.И. Калинину 5 ноября 1922 г.

Уже в июле 1922 г. Советское правительство предложило следующие шаги по развитию взаимоотношений двух стран: 1) распространение Рапалльского договора на союзные с РСФСР советские республики; 2) наполнение Рапалльского договора содержанием; 3) улучшение экономических отношений РСФСР и Германии.

На первый план тогда выходит вопрос о распространении действия Рапалльского договора на другие советские республики, поскольку начинается процесс формирования единого союзного государства. В правительственных кругах Германии по этому вопросу не было единого мнения. Так, возражения были против распространения действия договора на Украину в связи с наличием претензий и контрпретензий, связанных с оккупацией этой территории в 1918 г., а также – на Грузию из-за «недостаточной экономической и политической стабильности» тамошних властей.

---

¹ Граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау (1869–1928) происходил из древней аристократической семьи. Среди его предков было три фельдмаршала. С 1897 г. по 1912 г. он занимает посты секретаря в посольствах Германии в Петербурге и Вене, советника в Гааге, генерального консула в Будапеште. С 1912 по 1918 гг. – посланник в Дании. В 1918–1919 гг. – министр иностранных дел Германии. Отказался подписать Версальский мирный договор. В 1922–1928 гг. – посол в СССР. Отличался независимым характером. Убежденный сторонник Рапалльской политики.

Особо стоял вопрос о распространении действия Рапалльского договора на Хиву и Бухару. Здесь Германия хотела подыграть интересам Англии, претендовавшей на преимущественное влияние в этом регионе. Британский посол в Берлине лорд д'Абернон предупреждал, что распространение действия договора на другие территории может «повлиять на международную обстановку, которая благоприятна для решения репарационной проблемы». Репарационный вопрос, очень болезненный для Германии, использовался как средство давления. «Отношения между Германией и Россией находят в Англии самое пристальное внимание», – говорилось в справке МИД.

Несколько месяцев велись переговоры. Германские газеты в своем большинстве писали, что распространение Рапалльского договора на другие республики в экономических интересах самой Германии. Необходимо «помешать Франции использовать эти важные в экономическом отношении земли в ущерб интересам Германии». Канцлер Вирт был за положительное решение этой проблемы, аналогичную позицию после некоторых колебаний занял президент Эберт.

Крестинский писал Чичерину: «Немцы достаточно долго тянули с заключением этого соглашения. Сейчас они пошли на него, вероятно, в связи с боязнью нашего соглашения с Францией».

Договор между РСФСР и Германией о распространении действия Рапалльского договора на Украину, Белоруссию, Армению, Грузию, Азербайджан и ДВР был подписан в Берлине 5 ноября 1922 г. Это означало признание германским правительством де-юре правительств этих советских республик. Вне договора оставались Хива и Бухара, что являлось уступкой Германии британскому правительству. В беседе с Чичериным накануне вручения своих верительных грамот, Брокдорф-Ранцау твердо заявил: «Мы при всей готовности к сотрудничеству с Россией никогда не позволим вовлечь себя в противоречие с Англией». Рейхстаг ратифицировал договор о распространении действия Рапалльского договора на советские республики 31 августа 1923 г.

Так были сформированы основные контуры рапалльской политики. Обе державы выиграли, заключив этот договор. Для Герма-

нии приоритетной была внешнеполитическая сторона этой политики. Имея за спиной дружественный СССР, Германия могла более твердо выступать в отношениях с державами-победителями. Брокдорф-Ранцау утверждал: «Я считаю, что через Москву может быть исправлено зло Версаля».

Для СССР более важными были экономические отношения, возможность использования промышленного потенциала Германии для восстановления народного хозяйства страны. Первоначально этот процесс несколько тормозился германской стороной, поскольку там теплились надежды на возможную отмену монополии внешней торговли. В связи с переходом к НЭПу в советской печати развернулась дискуссия по этому вопросу. Но в апреле 1923 г. XII съезд ВКП(б) решительно заявил: «Съезд категорически подтверждает неизбежность монополии внешней торговли и недопустимость какого-либо её обхода».

В ноябре 1922 г. правительство Вирта ушло в отставку. Новое правительство возглавил Куно, который не принадлежал к числу поборников рапалльской политики. Но намеченный курс в отношении Советской России изменений не претерпел. Министр иностранных дел фон Розенберг констатировал, что отношения с Россией базируются на заключенных трех договорах: договор от 6 мая 1922 г., Рапалльский договор от 16 апреля 1922 г. и договор от 5 ноября 1922 г. о расширении действия Рапалльского договора. Он же признавал, что на фоне тяжелого внешнеполитического положения Германии «только отношения с Россией дают проблеск».

Весной 1923 г. было подписано межправительственное соглашение о поставках из СССР 20 млн пудов зерна с использованием вырученных средств для заказов на промышленные товары в самой Германии. Постепенно растет товарооборот между двумя странами, что подтверждается данными статистики.

Экспорт из СССР в Германию, млн руб.	Импорт из Германии, млн руб.
1922/23 г. – 150,9	1922/23 г. – 214,1
1923/24 г. – 231,5	1923/24 г. – 157,5
1924/25 г. – 304,5	1924/25 г. – 357,8

СССР экспортировал в Германию нефть и нефтепродукты, марганец, лес и лесоматериалы, зерно, пушнину. Из Германии ввозились машины и оборудование, химические продукты, удобрения, электротехнические товары, уголь. В 1923 г. Германия вышла на первое место во внешнеторговом обороте СССР (30% экспорта и 36% импорта).

Крупные германские фирмы «АЭГ», «Крупп», «Стиннес», «Юнкерс», «Отто Вольф» и др. вступают в деловые связи с советскими экономическими организациями. К концу 1923 г. на территории СССР было 16 германских концессий. Самой крупной была лесная концессия общества «Молога» (с участием бывшего канцлера Вирта), которая получила в аренду около 1 млн кв. десятин леса вдоль железнодорожной линии Петроград – Рыбинск. Но в целом в силу ряда внутренних причин в СССР концессионная политика большого развития не получила.

В этот период были достигнуты договоренности об открытии консульств Германии в Ново-Николаевске, Владивостоке, Харькове, Одессе. Свои консульства СССР открыл в Штеттине, Кенигсберге, Лейпциге.

Форсируя развитие торговых отношений с Германией, советское руководство преследовало и политические цели – усилить её зависимость от СССР. Об этом говорил Чичерин, выступая на XIII съезде партии (май 1924 г.): «Размер наших торговых операций с Германией был нами искусственно увеличен вследствие политических отношений, установившихся между нами в результате Рапальского договора. У нас было определенное желание по-добрососедски помочь Германии, увеличив максимально наш торговый оборот с этой страной».

1923 год явился тяжелым для Германии. Еще в ноябре 1922 г. правительство Куно обратилось к державам-победительницам с просьбой предоставить мораторий по выплате репараций сроком на пять лет, но получило отказ. В ответ Германия отказалась платить очередной взнос и прекратила поставки в счет репараций леса и угля. Репарационная комиссия констатировала «умышленное невыполнение» обязательств, и 11 января 1923 г. французские и

бельгийские войска оккупировали Рурскую область – важнейший индустриальный центр Германии. Правительство Куно призвало к «объединению всех немцев против внешнего врага» и стало проводить политику «пассивного сопротивления».

Рурский кризис дезорганизовал хозяйственную жизнь Германии, где имели место падение производства, массовая безработица, крах финансовой системы. Если в январе 1923 г. за один доллар давали 7 тыс. марок, то в ноябре 1923 г. – 4,2 трлн марок. На волне всеобщего недовольства набирает силу правый и левый экстремизм. Ситуация в Германии могла выйти из-под контроля.

В августе 1923 г. в связи с провалом политики «пассивного сопротивления» правительство Куно ушло в отставку. Новое правительство, которое возглавил Г. Штресман, выразило готовность начать переговоры с Францией и Бельгией. Угроза «примирения» Германии с Францией и её союзниками Польшей и Чехословакией вызвала беспокойство в Москве. В руководстве страны активизировались сторонники мировой революции. Троцкий, Зиновьев, Радек призывали использовать «рурский кризис» для свершения «пролетарской революции». Более сдержанную позицию занимал Сталин. 7 августа 1923 г. он писал Зиновьеву: «Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты её подхватят, они провалятся с треском. Это “в лучшем” случае. А в худшем случае – их разобьют вдребезги и отбросят назад ...По-моему, немцев надо удерживать, а не поощрять».

Но 23 августа 1923 г. Политбюро пришло к выводу, что германский пролетариат «стоит непосредственно перед решительными боями за власть» и был назначен день восстания – 9 ноября. Германские коммунисты стали получать из Москвы деньги, оружие. В Берлин направилась группа членов ЦК во главе с К. Радеком. Поднять восстание не удалось. Однако отношения с германскими властями были испорчены серьезно.

Французская политика силового давления на Германию провалилась. Ее продолжение, очень разорительное для самой Франции, вело к дестабилизации всего европейского порядка. Англия и США берут в свои руки решение репарационного вопроса. Была

создана комиссия экспертов, которая весной – летом 1924 г. разработала основные положения, получившие название «план Дауэса», принятого в августе 1924 г. Одобрение «плана Дауэса» способствовало изменению ситуации в самой Франции, где на смену правительству Пуанкаре летом 1924 г. пришло правительство «левого блока» во главе с Эд. Эррио. Новое правительство пошло на дипломатическое признание СССР и стало проводить более гибкую политику в отношении Германии.

«План Дауэса» устанавливал новый порядок выплаты репараций и создавались условия для притока в Германию иностранного капитала. Уже в октябре 1924 г. Германия получила кредит в 800 млн золотых марок. Франция и Бельгия были вынуждены дать обещание вывести свои войска из Рурской области. По словам Штреземана, «план Дауэса» – это начало процесса, который возвратит Германию в качестве полноправного члена в «европейский концерт».

С 1923 г. и до своей смерти в 1929 г. пост министра иностранных дел Германии занимал Г. Штреземан. На тусклом небосводе Веймарской республики это была звезда первой величины. Штреземан был «западником», но он хорошо осознавал значение СССР как великой державы, и старался проводить сбалансированную внешнюю политику. Он не допустил разрыва отношений с СССР осенью 1923 г., несмотря на грубое вмешательство Коминтерна во внутренние дела Германии. Штреземан также способствовал урегулированию спровоцированного правыми силами Германии в мае 1924 г. конфликта с СССР.

События начались 3 мая 1924 г., когда полиция вторглась в здание советского торгпредства в Берлине и учинила там обыск и погром. Советская сторона характеризовала этот инцидент как грубое нарушение соглашения от 6 мая 1921 г., которое признавало за торгпредством право экстерриториальности. Неправомерность действий полиции признавали и сами немцы. Глава Восточного отдела МИД А. Мальцан писал прусскому министру внутренних дел: «...я должен охарактеризовать действия управления полиции

Берлина как нанесение серьезного ущерба важным внешнеполитическим интересам рейха и поэтому как неправильные».

Советское правительство действовало жестко и быстро. Работа полпредства была приостановлена и свернуты торговые операции в Германии. Выступая 26 мая на XIII съезде ВКП(б), Л.Б. Красин говорил: «...в охотниках занять место Германии в экономике СССР недостатка не было и не будет ...СССР, если пожелает, дорогу в Париж найдет скорее, нежели германское министерство иностранных дел».

Протокол об урегулировании конфликта был подписан в Берлине 29 июля 1924 г. Германская сторона оценила действия полиции как произвольные и неоправданные, выразилось сожаление и согласие наказать виновных и возместить материальный ущерб. Советская сторона подтвердила, что запрещает своим должностным лицам вмешиваться во внутривнутриполитическую жизнь Германии. Оба правительства согласились, что три пятых здания торгпредства пользуются экстерриториальностью. Мальцан писал по этому поводу: «Определяющим для широких уступок германского правительства в отношении русских требований было внешнеполитическое соображение, интерес к сохранению экономических и прежде всего важных общих политических отношений с Россией».

Важной вехой в истории советско-германских отношений явился торговый договор, заключенный в октябре 1925 г. Путь к этому договору был долог и тернист. Переговоры продолжались около двух лет. Начаты они были еще в июне 1923 г. Но балансирование Германии между Востоком и Западом вело к затягиванию переговоров, которые несколько раз прерывались, но потом неизменно возобновлялись. Ни одна из сторон не хотела полного разрыва.

Советское правительство стремилось добиться от Германии официального признания государственной монополии внешней торговли в СССР, полной экстерриториальности торгпредства в Берлине, некоторых изъятий из принципа наибольшего благоприятствования в торговле СССР с соседними странами Востока и решения ряда конкретных проблем торгово-финансовых отношений.

Позиция германской стороны на переговорах в значительной степени определялась двумя факторами. Прежде всего, часть деловых кругов Германии с настороженностью относилась к дальнейшему расширению экономических связей и СССР. Как отмечал Г. Хильгер в своих мемуарах, распространено было мнение, что «финансовое крушение советской экономики – только вопрос времени и что деловые отношения с Москвой должны вестись с величайшей осторожностью». Далее, параллельно с переговорами в Москве правительство Лютера – Штреземана вело переговоры с Англией и Францией относительно гарантийного пакта и условий принятия Германии в Лигу Наций. Из-за жесткой позиции Франции переговоры эти шли с большим трудом. В этих сложных обстоятельствах германская дипломатия, балансируя между СССР и западными державами, стремилась найти благоприятное для себя решение этих проблем.

Примечательно, что Москва и Берлин на протяжении этих длительных переговоров неизменно подчеркивали политическое значение будущего экономического договора, т.е. неуклонное следование рапальской политике. Так, глава советской делегации на переговорах утверждал, что СССР многие свои заказы мог бы на лучших условиях разместить в Англии или Франции, но по «политическим соображениям» решено оставить их за Германией. Глава германской делегации, в свою очередь, констатировал, что имеются «очень важные политические причины», по которым необходимо достижение соглашения.

В правительственных кругах Германии убежденными сторонниками преодоления разногласий и подписания экономического договора были Штреземан и посол Брокдорф-Ранцау, которым приходилось преодолевать оппозицию некоторых своих коллег.

Урегулирование последних и самых трудных проблем произошло в августе – сентябре 1925 г. События были ускорены тем, что 3 августа 1925 г. было подписано советско-польское соглашение о разрешении пограничных конфликтов. Всякое улучшение отношений СССР и Польши болезненно воспринималось в Берлине. Штреземан в телеграмме Брокдорф-Ранцау, который вел на заклю-

чительном этапе переговоры, требовал подписания торгового договора с СССР, что необходимо «по практическим соображениям и в интересах внешнеполитических» и что сделать это надо прежде, чем германская делегация отправится в Локарно.

Немцы уступили по большинству спорных вопросов, и торговый договор был подписан в Москве 12 октября 1925 г. в разгар работы Локарнской конференции. Одновременно было подписано соглашение о кредите в 100 млн марок, гарантированном германским правительством. Как отмечал Г. Хильгер: «С советской точки зрения договор в целом был огромным успехом».

Советско-германский экономический договор от 12 октября 1925 г. – это достаточно объемный документ, насчитывающий 35 стр., который включает, кроме общих положений, семь отдельных соглашений, касающихся вопросов мореплавания, ж/дорожного сообщения, налогов, третейских судов и др. Фиксировалось, что теряют силу соглашение от 6 мая 1921 г. и некоторые статьи договора от 5 ноября 1922 г. Но подтверждалось, что Рапалльский договор от 16 апреля 1922 г. остается в полной силе. Торговый договор 1925 г. утверждал, что Германия и СССР продолжают развивать свои взаимоотношения в духе Рапалло.

Литература

- Ахтамзян А.А.* Рапалльская политика. М., 1974.
Ахтамзян А.А. Профили рапалльской дипломатии. М., 2009.
Макаренко И.В. Курсом Рапалло // Вопросы истории. 2011. № 10.
Молодяков В.Э. Россия и Германия: дух Рапалло. М., 2009.
Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? М., 2004.
Никонова С.В. Очерк европейской политики Германии (1924–1929). М., 1977.

Глава 4. ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТЛОКАРНСКИЙ ПЕРИОД (1926–1932 гг.)

В середине 20-х гг. XX в. происходит определенная стабилизация послевоенного европейского порядка. Потерпели неудачу революционные выступления в ряде стран, были преодолены последствия хозяйственной разрухи. «План Дауэса» отчасти урегулировал репарационную проблему. Имеет место «полоса признаний», когда СССР был признан де-юре многими государствами Европы. В руководстве СССР возобладала идея о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Отсюда внешнеполитический курс на создание благоприятных международных условий для строительства основ социализма.

После ряда внешнеполитических неудач (Рурский кризис, отклонение Женевского протокола) Франция уступает лидирующую роль в европейских делах Англии, государственные деятели которой считали возможным обеспечить европейскую безопасность на основе компромисса с побежденной Германией. В Лондоне считали, что не Германия, а Советский Союз – главная угроза миру в Европе. В марте 1925 г. министр иностранных дел Англии О. Чемберлен говорил премьер-министру Франции А. Бриану: «Британское правительство поставило себе особой целью вовлечь Германию в Лигу Наций и связать её интересы с интересами Западной Европы». Предполагалась новая система безопасности в Европе: с Германией, но без СССР.

В новой международной ситуации германские правящие круги почувствовали возможность получить шанс на ослабление «пут Версаля». Германия требует прекращения оккупации Рура, равенства в вооружениях, принятия в Лигу Наций. Но на этом пути препятствием оставалась жесткая позиция Франции. В мае 1926 г., выступая в рейхстаге, Штресеман говорил, что, если из-за позиции Франции германские интересы не будут учтены, то Германия пой-

дет на новое сближение с СССР, с которым «нет трений ни в одной политической области». Это подействовало. Под давлением Англии и США Франции пришлось пойти на уступки. В августе 1926 г. французские и бельгийские войска выводятся из Рурской области, из городов Дюссельдорф, Дуисбург, Рурпорт.

Конференция, посвященная германскому вопросу и проблемам европейской безопасности, прошла в Локарно в октябре 1925 г. Это была одна из самых значимых конференций в межвоенной истории Европы. В Локарно был согласован и принят Рейнский гарантийный пакт, закреплявший неприкосновенность границы Германии с Францией и Бельгией. Гарантами пакта выступали Англия и Италия. Германия, которую поддержала Англия, категорически выступила против международных гарантий своей границы с Польшей и Чехословакией. В Берлине не признавали свои восточные границы постоянными. Несмотря на возражения Франции, с Польшей и Чехословакией были подписаны лишь арбитражные договоры.

В Германии с удовлетворением отмечали это решение как свою дипломатическую победу. Еще до начала работы Локарнской конференции Штреземан писал в Москву Брокдорф-Ранцау: «Всякое прямое или косвенное признание наших существующих границ на Востоке посредством гарантийного пакта абсолютно исключается». Это было достигнуто. Германский МИД сообщал своим представителям за рубежом, что британский посол д'Абернон «проявил полное понимание того, что наши границы на Востоке не могут быть долговечными».

Другим важным решением, принятым в Локарно, была рекомендация Германии для её приема в Лигу Наций.

Германское правительство придавало Локарнским решениям очень большое значение, справедливо полагая, что сделан еще один важный шаг по возвращению Германии статуса великой и равноправной державы. Солидарное мнение высказал и О. Чемберлен после Локарнской конференции: «Нет больше союзников, этот военный термин следует вычеркнуть из политического лексикона». Фактически Локарно положило начало политике уми-

ротворения Германии. Недаром Штреземан говорил: «В Локарно был взорван краеугольный камень всей Версальской системы».

Вес эти события непосредственно затрагивали проблемы советско-германских отношений. Советское руководство дало отрицательную оценку решениям, принятым в Локарно. Советские газеты писали, что будущая германская агрессия направляется в восточном направлении. Особенно жестоко Москва реагировала на решение Локарнской конференции о приеме Германии в Лигу Наций, которую тогда в СССР рассматривали как антисоветскую организацию. Ещё в 1924 г., когда германская дипломатия только выдвинула идею вступления в Лигу Наций, это вызвало резкие возражения с советской стороны. В заявлении Советского правительства говорилось, что «вступление Германии в Лигу Наций является значительным шагом по пути фактического аннулирования договора в Рапалло».

Это понимали и некоторые деятели самой Германии. Так посол Брокдорф-Ранцау, убежденный сторонник рапалльской политики, писал в Берлин: «Локарнские соглашения означают, что Германия ориентируется на Запад... Наше вступление в Лигу Наций будет с русской стороны расценено именно так». Возник конфликт между послом и министром. Штреземан имел другое мнение, он писал: «Рапалльский договор никогда не рассматривался в Германии как поворот к Востоку, который исключал бы соглашение с Западом».

Не соглашаясь с этим, Брокдорф-Ранцау намеревался даже подать в отставку и лишь лично президент Гинденбург смог уговорить его остаться на своем посту в Москве. Обосновывая необходимость сохранения опытного дипломата в Москве, Гинденбург писал главе МИД: «...в результате заключения Локарнского пакта наши отношения с Россией в ближайшем будущем будут оставаться в известной мере осложненными и что потребуются постоянное внимание и усилия нашего представителя в Москве, чтобы устранить существующее опасения».

Каменем преткновения была статья 16 Устава Лиги Наций, предусматривавшая применение санкций, включая и военные, против страны, которую Лига Наций объявит агрессором.

Ухудшать отношения с СССР в Германии не хотели. Поэтому Штреземан заявил: «Утверждения насчет антирусского блока не верны. Германия придает большое значение своим отношениям с Россией и не помышляет проводить антирусскую политику. Мы желаем иметь с Россией хорошие отношения». По настоянию СССР германское правительство было вынуждено заявить, что не будет участвовать в санкциях Лиги Наций, если они будут направлены против СССР.

Стремясь нейтрализовать антисоветскую направленность локарнских решений, советское правительство инициирует подготовку нового политического договора с Германией с целью закрепления и развития принципов рапальской политики. В ноябре 1925 г. Крестинский вручил германскому МИД проект подобного договора, где содержалось положение о взаимном нейтралитете и обязательствах Германии перед СССР при вступлении в Лигу Наций. В конце 1925 г., по пути из Франции, Чичерин встретился в Берлине с президентом Гинденбургом, канцлером Лютером и Штреземаном, где обсуждался этот проект. Немцы выдвинули свой вариант соглашения в форме Протокола, состоявшего из общих фраз, касающихся взаимных отношений. Термин «нейтралитет» там вообще не упоминался. Чичерина такой вариант не удовлетворил.

Поясняя ситуацию, МИД Германии информировал своего посла в Париже: «Мы хотели бы избегать формального договора с русскими и придать нашим возможным соглашениям вообще не столько конструктивный, сколько декларативный характер». Необходимо отметить, что правительства Англии и Франции были проинформированы Берлином о ходе советско-германских переговоров и содержании будущего договора еще до его подписания.

Вялотекущие переговоры между советскими и германскими представителями продолжались в январе – марте 1926 г. и были ускорены неожиданным событием: в марте 1926 г. Польша и Бразилия блокировали прием Германии в Лигу Наций. Для Берлина это был неприятный сюрприз, повлиявший на ход советско-германских переговоров.

24 апреля 1926 г. в Берлине Крестинский и Штреземан подписали договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией. Он был заключен сроком на пять лет, состоял из четырех статей и двух нот идентичного содержания, которые являлись составной частью договора. Договор подтверждал, что основой взаимоотношений двух стран остается Рапалльский договор. В случае нападения третьей державы или группы держав другая сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. В случае экономической блокады или финансового бойкота, направленного против одной из договаривающихся сторон, другая сторона участвовать в нем не будет. В нотах, которыми обменялись стороны, говорилось об условиях вступления Германии в Лигу Наций, об участии её в санкциях по статьям 16 и 17 Устава Лиги Наций.

Комментируя подписание договора от 24 апреля 1926 г., Штреземан говорил: «Заключение договора не является сенсацией, он вытекает из традиционной дружбы, которая существовала между Германией и Россией на протяжении длительного времени». Лондон и Париж признали советско-германский договор как «свершившийся факт», но призывали Германию смотреть «на Запад, а не на Восток». Успокаивая правительства этих стран, Штреземан в беседе с британским послом д' Аберноном 30 апреля уверял его, что Германия не отходит от политики Локарно. Негативной была реакция на договор Польши и Чехословакии. Лаконичную оценку договору 1926 г. дал Литвинов. Выступая на сессии ЦИК СССР, он подчеркнул: «...нам удалось в некоторой мере лишить Локарно его антисоветского жала».

Между «западниками» и «восточниками» в германских правительственных кругах на этот раз был достигнут консенсус, и рейхстаг ратифицировал договор с СССР единогласно (так же как был в свое время ратифицирован Рапалльский договор). Д' Абернон записывал в своем дневнике: «В рейхстаге свершилось чудо. Советско-германский договор принят единогласно».

В это же время СССР попытался заключить аналогичные договоры о ненападении и нейтралитете с соседними странами. Но из

европейских стран удалось подписать такой договор лишь с Литвой, не имевшей общей границы с СССР и находившейся в остром конфликте с Польшей из-за Виленской области. Тогда СССР не удалось развить свой дипломатический успех, достигнутый в отношениях с Германией.

Таким образом, экономический договор между Германией и СССР от 12 октября 1925 г. и советско-германский договор о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г. закрепили рапалльскую линию в отношениях двух стран. Подтверждением этому явились события, связанные с обострением международной обстановки в 1927 году.

В мае 1927 г. правительство Англии, ссылаясь на т.н. «Письмо Зиновьева», разорвало дипломатические отношения с СССР, через несколько дней в Варшаве был убит полпред в Польше П. Войков. Ещё до этих событий весной 1927 г. в Китае имели место налеты полиции на советские учреждения под предлогом борьбы с происками Коминтерна. В воздухе запахло порохом.

Но действия британских властей не получили поддержки ни в Париже, ни в Берлине. Хотя английские газеты писали – «Заставим Берлин сделать выбор между Рапалло и Локарно», германское правительство заявило о своем нейтралитете в этом англо-советском конфликте. Более того, именно Германия взяла на себя защиту интересов СССР в Англии. Крестинский писал из Берлина в июне 1927 г.: «Настроения в Германии в связи с разрывом с Англией определились в благоприятную для нас сторону».

СССР не был заинтересован в обострении ситуации. В условиях начавшихся глубоких социально-экономических преобразований советская страна нуждалась в мире и сотрудничестве с зарубежными государствами. Выступая на XV съезде ВКП(б), Сталин говорил, что важнейшей задачей внешней политики СССР является борьба за мир.

Основной формой сотрудничества Германии и СССР во второй половине 20-х гг. остаются торгово-экономические отношения. Они обретают более значительные масштабы, что обуславливается

серьезными изменениями в экономическом положении Германии и СССР.

За шесть лет действия «плана Дауэса» Германия выплатила репараций на сумму 7,5 млрд марок, а получила займов и кредитов – на 21 млрд марок. На эти средства была проведена модернизация промышленности страны. За период 1925–1929 гг. прирост промышленного производства в Германии составлял 9% ежегодно, что было значительно выше, чем в других странах Европы. Уже в 1931 г. французская разведка констатировала: «Германия сумела после войны значительно увеличить свою индустриальную мощь. Она целиком обновила промышленное оборудование, равного которому по совершенству нет в Европе». Крепнувшая германская промышленность нуждалась во внешних рынках.

Состоявшийся в СССР в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) провозгласил курс на индустриализацию страны. Был принят первый пятилетний план (1926–1932 гг.), предусматривавший высокие темпы развития промышленности. Оборудование для новых фабрик и заводов поступало в основном из-за рубежа. Германия твердо занимает первое место во внешнеторговом обороте СССР.

Советско-германская торговля (1925–1929 гг.)

Годы	Экспорт из СССР, млн руб.	Импорт из Германии, млн руб.
1925/26	389,0	613,6
1926/27	611,6	563,2
1927/28	674,6	866,0
1928 (окт. – дек.)	183,5	169,8
1929	749,7	678,3

СССР традиционно экспортировал в Германию нефть и нефтепродукты, лес и лесоматериалы, продовольственные товары. Импорт из Германии включал машины и промышленное оборудование, энерго- и электротехническое оборудование, приборы, химические товары.

В 1926 г. Германия предоставила кредит СССР в 300 млн марок. Кредит предоставили частные банки, но большая часть суммы

кредита подучила правительственную гарантию. Поясняя это обстоятельство, статс-секретарь МИД Шуберт писал: «Несмотря на финансовые трудности, которые испытываем, все же Германия была вынуждена предоставить СССР кредит. В настоящее время мы испытываем большие тяготы при сбыте наших товаров за границей... Увеличение немецкого экспорта в Россию должно остановить у нас рост безработицы».

Со своей стороны, советские власти предпринимают определенные меры по облегчению экономических контактов с Германией. В июне 1928 г. было принято постановление СТО о «максимальном облегчении транзита немецких товаров через территорию СССР», в июле 1928 г. – постановление Совнаркома о привлечении иностранного капитала в экономику СССР.

Однако не следует идеализировать отношения между Германией и СССР ни в сфере экономики, ни в сфере политики. Каждая из сторон преследовала собственные интересы и цели. Постепенно накапливаются негативные факты, возникают претензии друг к другу. Все больше проявляются противоречия между рыночной экономикой Германии и командно-административной экономической системой, складывавшейся в СССР. Немецкие предприниматели жалуются на государственную монополию внешней торговли, бюрократизм в работе советских внешнеторговых организаций, невозможность получения концессий. В газетах Германии пишут, что экономический договор 1925 г. оказался более выгодным для советской стороны, утверждает, что 300-миллионный кредит используется не в интересах Германии и т.д. Советские представители упрекают германских промышленников в ценовом сговоре, в завышении цен на заказываемые для СССР промышленные изделия.

Действительно, правительство СССР стремится преодолеть чрезмерную зависимость в сфере экономики от Германии. Нарком торговли Микоян говорил: «Надо иметь в виду, что очень опасно располагать лишь одним опорным пунктом – германским рынком. В нашей внешней торговле нам необходимо создать несколько опорных баз». Стремясь «удешевить» индустриализацию, совет-

ские внешнеторговые организации переводят заказы из Германии в другие страны, где имеются более благоприятные цены.

В качестве ответной меры «Имперский союз германских промышленников» в 1928 г. создает «Русский комитет», который должен был устранить конкуренцию среди германских фирм в торговле с СССР, не допускать понижения цен на заказанную промышленную продукцию. Этот комитет пытался стать посредником между торгпредством и предпринимателями Германии. Это вызвало беспокойство в Москве. Политбюро специально обсудило доклад Микояна о деятельности «Русского комитета» и постановило принять меры по снижению эффективности его работы. В том числе и путем размещения в других странах «предназначенных для Германии заказов».

Но альтернативы Германии как торгово-экономического партнера не было. 21 декабря 1928 г. был подписан советско-германский протокол и восемь приложений к нему, регулирующие спорные проблемы, связанные с реализацией 300-миллионного кредита и торгового договора 1925 года. 25 января 1929 г. была подписана Конвенция по согласительной процедуре, состоявшая из 10 статей. Главное в этом документе – всякого рода споры и разногласия, возникающие при толковании двусторонних договоров, «подвергаются согласительной процедуре». В декабре 1929 г. Литвинов говорил на сессии ЦИК СССР: «Мы по-прежнему поддерживаем наиболее дружественные отношения с Германией».

Однако в действительности дела обстояли не столь радужно. Свертывание НЭПа, насильственная коллективизация деревни, преследования церкви, борьба в руководстве правящей партии – все это формирует негативный имидж СССР в общественном мнении Германии. В марте 1928 г. в рамках т. н. «шахтинского дела» были арестованы три немецких инженера, обвиненных во вредительстве. Хотя все они, в конечном счете, были освобождены, негативные отклики в Германии были значительны, дипломатический скандал вызвала речь Ворошилова 1 мая 1929 г. на параде, которую Штреземан оценил как «вмешательство во внутренние дела Германии». Конфликт был урегулирован лишь через два ме-

сяца. В октябре 1929 г. около шести тысяч немцев-колонистов, не желавших вступать в колхозы, собрались под Москвой и потребовали отправки в Германию. Во избежание международного скандала власти были вынуждены удовлетворить их требования.

Как и раньше, серьезно мешал внешнеполитической деятельности НКВД Коминтерн, это, по выражению Чичерина, «внутренний враг № 1». Нарком писал: «До 1929 г. неприятностей с ним, хотя и было бесконечно много, но в общем удавалось положительно улаживать... Но с 1929 г. положение стало совершенно невыносимым...».

В конце 20-х гг. уходят те, кто стоял у истоков рапалльской политики, реализовал ее на практике. В сентябре 1928 г. умер посол Брокдорф-Ранцау, убежденный сторонник Рапалло. В беседе со своим французским коллегой он говорил: «Решение занять пост в Москве было нелегко принять, но до сего дня я ни на один миг не сожалел об этом решении». В октябре 1929 г. умер министр иностранных дел Германии Штреземан. Он был сторонником «западной» ориентации Германии, но считал необходимым сохранение хороших отношений с СССР. Из-за болезни отходит от дел Чичерин, а в 1930 г. он и формально покидает пост главы НКВД. Для Чичерина отношения с Германией всегда были главным звеном во всей европейской политике СССР. Весной того же 1930 г. из Берлина отзывается полпред Крестинский. «Эпоха Рапалло» подходит к концу.

Но начавшийся осенью 1929 г. мировой экономический кризис, сильно ударивший по Германии, способствовал оживлению экономических связей с СССР. Ослабляется антисоветская кампания в германской прессе. СССР снова востребован как рынок сбыта. В середине 1932 г. промышленное производство в Германии сократилось на 46,7% (от уровня 1913 г.), в стране более 5 млн безработных. Советские заказы оказались очень кстати. Хильгер писал в своих воспоминаниях: «...если многочисленные германские промышленные предприятия, особенно в области станкостроения, благополучно пережили экономический кризис, то они обязаны этим главным образом советским заказам».

Советский импорт промышленных товаров из Германии составил в 1930 г. – 874,1 млн руб., в 1931 г. – 1431,1 млн руб., в 1932 г. – 1142,0 млн рублей. Был превзойден уровень 1913 года. Если в 1930 г. СССР занимал в германском экспорте 11-е место, то в первой половине 1931 г. – 4-е, а во второй половине 1931 г. – уже 2-е место (уступая лишь Англии). В Первом квартале 1932 г. СССР выходит на 1-е место в германской экспортной торговле. Все крупнейшие предприятия Германии выполняли советские заказы. Поэтому в марте 1931 г. Москву посетила большая группа германских промышленников во главе с П. Клекнером. Германские газеты шумно приветствовали эту поездку.

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. дестабилизировал миропорядок, установившийся в Европе в предшествовавшие годы. Меняется положение Германии в мире. В 1930 г. был принят «План Юнга», еще более облегчивший для Германии репарационное бремя. Затем последовал «мораторий Гувера», приостановивший все международные платежи. А с 1932 г. Германия вообще прекращает выплату репараций. В стране обостряется внутривнутриполитическая борьба, усиливается влияние нацистов.

Летом 1931 г. правительство канцлера Брюнинга подписало Протокол о продлении действия договора 1926 г. о ненападении и нейтралитете. По мнению полпредства, это было обусловлено «стремлением германского правительства под влиянием обостряющейся в первую очередь борьбы с Францией сохранить в своих руках русский козырь». Но ратификация Протокола была отложена на неопределенное время.

В апреле 1932 года отмечалось 10-летие Рапалльского договора. Находившийся в Женеве канцлер Брюнинг пригласил Литвинова на завтрак, но отказался от обмена речами по случаю юбилея договора.

«Молчаливый» завтрак Брюнинга, как отметило советское полпредство в Берлине, было расценено в дипломатических кругах как «симптом отхода Германии от СССР и рапалльской линии».

Литвинов же не уклонился от оценки Рапалльского договора и сделал заявление для прессы. Он говорил: «Международное зна-

чение договора не исчерпывается отношениями между участниками и сохраняется полностью до настоящего времени... Этот шаг был действительно новым словом в истории международных отношений, и поэтому смысл его не всеми был правильно понят, договор был лишен всякого острия, направленного против каких-либо других государств. Это было первое крупное политическое соглашение, обеспечивающее интересы его участников и не задевавшего интересы других государств. Советско-германские отношения, основанные на Рапалльском договоре, являются до сих пор одним из столбов европейского мира».

В своей внутриведомственной переписке германские дипломаты признавали большие выгоды, полученные Германией от Рапалльского договора. В одном из документов говорилось: «Значение Рапалльского договора: ликвидация прошлого, отстранение России от межсоюзнического репарационного фронта, первый прорыв существовавшей тогда изоляции Германии и создание основы для позитивных германо-русских отношений».

Символическим финалом «эпохи Рапалло» явился большой прием в советском полпредстве в Берлине 7 ноября 1932 г., на котором присутствовало около тысячи гостей, включая канцлера и министров.

Через три месяца к власти в Германии пришли нацисты.

Литература

- Ахтамзян А.А.* Рапалльская политика. М., 1974.
- Ахтамзян А.А.* Советско-германские экономические отношения в 1922–1932 гг. // Новая и новейшая история. 1988. № 4.
- Белковец С.В.* Германский посол в Москве Дирксен и дальнейшее развитие политики Рапалло // Германские исследования в Сибири. Томск, 2010. Вып. 7.
- Дух Рапалло: советско-германские отношения. 1925–1932.* М., 1997.
- Каширских Д.Н.* Кризис в советско-германских экономических отношениях 1928 г. // Вопросы истории. 2006. № 9.
- Муравьев Ю.* Политика Германии в отношении СССР (1929–1933). М., 1965.
- Мюллер Р.-Д.* От Брест-Литовска до «плана Барбаросса» // Россия и Германия в Европе. М., 1998. Вып. 1.
- Никонова С.В.* Очерки европейской политики Германии (1924–1929). М., 1977.
- Трухнов Г.М.* Рапалло в действии (1926–1929). Минск, 1982.

Глава 5. ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ

После распада СССР внимание многих историков и публицистов привлекли «белые пятна» отечественной истории, которые долгое время оставались засекреченными. Такой была и проблема военного сотрудничества Германии и СССР в 20-е годы. Стремясь к сенсационности, некоторые авторы давали своим публикациям совершенно необоснованные названия типа «Фашистский меч ковался в СССР», «Заклятая дружба», в которых стремились возложить на СССР ответственность за подготовку гитлеровской Германии к мировой войне. Утверждалось, что существовал якобы секретный «военно-политический» союз двух стран, что СССР участвовал в «масштабной милитаризации» Германии в межвоенный период и пр.

В действительности дело обстояло совершенно не так. Военное сотрудничество двух держав характеризовалось следующими чертами. Во-первых, СССР осуществлял военное сотрудничество с Веймарской республикой, буржуазно-демократическим государством, признанным международным сообществом и принятым в 1926 г. в Лигу Наций. СССР не подписывал Версальский договор, который накладывал военные ограничения на Германию. Как отмечал полпред Крестинский: «...мы не делали ничего противоречащего каким-либо договорам или нормам международного права». Во-вторых, сотрудничество СССР и Веймарской Германии в военной сфере носило весьма ограниченный характер. В конечном счете, все свелось к работе совместных военных школ в Липецке, Казани, химического предприятия «Томка» в Саратовской области, а также к поездкам нескольких групп командиров Красной Армии на учебу в военную академию рейхсвера, а также присутствию на военных маневрах. В-третьих, это сотрудничество было кратковременным и было свернуто на рубеже 20–30-х гг. по инициативе советской стороны.

Полномасштабное военное сотрудничество двух стран не состоялось, да и не могло состояться, ибо стороны преследовали разные цели. Для СССР важно было получить помощь Германии в создании военной промышленности, в получении новейших технологий военного производства. Но на это Германия пойти не могла по причинам экономического и, главным образом, политического характера. Для Германии – сотрудничество с СССР в военной сфере было необходимо для обхода ограничительных статей Версальского договора и для давления на Англию и Францию с целью достижения равноправия в тогдашнем европейском миропорядке. Как утверждал командующий рейхсвером генерал фон Сект: «Для Германии важно посредством Советской России развязать путы Версаля».

При этом следует иметь в виду, что в 20–30-е гг. многие страны сотрудничали с Германией в военной сфере. Поэтому с полным основанием Крестинский писал: «Мы не являемся единственной страной, имеющей с немцами аналогичного рода военные отношения». Этого не следует забывать, давая объективную оценку взаимоотношениям СССР и Германии в 20-е годы.

Первые контакты германских и советских военных представителей относятся к 1920 году, когда после поражения в Польше отдельные части Красной Армии оказались отесненными на территорию Восточной Пруссии, где и были интернированы. Польша в тогдашней Германии рассматривалась как потенциальный противник и поэтому «польский фактор» и в дальнейшем будет играть определенную роль в германо-советских отношениях.

Со стороны Германии поборниками военного сотрудничества с Советской Россией выступает рейхсвер, возглавляемый тогда генералом Сектом. Его поддерживали военный министр Гесслер, начальник штаба рейхсвера Хассе. Генералы рассчитывали на военные поставки из России, на её нейтралитет в случае военного конфликта с Францией или Польшей. Но были и противники такого сотрудничества с Россией. К их числу относились президент Эберт, сотрудники дипломатического ведомства, не хотевшие раздражать этим страны Антанты.

До подписания Рапалльского договора взаимные контакты в военной сфере носили неофициальный характер. Летом 1921 г. в Москве появился майор Нидермайер, кадровый разведчик, который будет находиться в Москве до 1931 г., представляя военное ведомство Германии. Он встречался с Троцким, Рыковым, Чичериным. В том же году в министерстве рейхсвера была создана «Зондергруппа-Р» (по-русски «Вогру» – военная труппа) для осуществления военного сотрудничества с Советской Россией. Это сотрудничество тогда выражалось в основном в переговорах и обсуждениях. Сколько-нибудь серьезных последствий это не имело.

После подписания Рапалльского договора сотрудничество в военной сфере несколько интенсифицируются. В феврале 1923 г. в Москву тайно приехала немецкая военная делегация во главе с генералом Хассе.

За три недели пребывания в России немцы посетили ряд военных заводов и пришли к выводу, что они находятся в «приемлемом состоянии», но нуждаются в финансировании. По итогам переговоров этой делегации в Москве военное министерство Германии создало несколько коммерческих структур для развития военно-промышленного сотрудничества. В частности, немецкие военные хотели наладить производство боеприпасов на российских заводах. Но очень скоро эти структуры прекратили существование. Сколько-нибудь значительных успехов в промышленной сфере военным достичь не удалось.

Наиболее крупным проектом в советско-германском военном сотрудничестве в первой половине 20-х гг. явилось соглашение, подписанное в ноябре 1922 г. с фирмой «Юнкерс» об организации металлического самолетостроения и моторостроения в РСФСР. Германской фирме был передан завод в Филях (бывший «Руссо-Балт»). Но, получив от германского правительства ссуду, «Юнкерс» не выполнил своих обязательств. На заводе в Филях собирались из деталей, произведенных в Германии, самолеты-разведчики «Ю-20» и модернизированный «Ю-21». Технические условия не были выдержаны, моторостроение вообще не было начато. Летом 1926 г. предприятие «Юнкерс» окончательно обанкротилось, и в

марте 1927 г. соглашение с «Юнкерс» было аннулировано. Командующий ВВС РККА Баранов писал: «Завод за четыре года дал всего 100 самолетов и по качеству стоящих весьма ниже иностранной продукции». На протяжении 20-х гг. советские ВВС пополнялись самолетами германской фирмы «Фоккер», которые производились в Голландии.

С командованием рейхсвера была достигнута договоренность о создании предприятия по производству отравляющих веществ. Германскую сторону представляла фирма «Штольценберг», которая, создав на советской территории общество «Берсоль», попыталась наладить производство иприта. Проект не был реализован. Начальник Разведупра РККА Берзин так информировал наркома обороны Ворошилова: «Договор совместной постройки ипритного завода пришлось в 1927 г. расторгнуть потому, что фирма “Штольценберг”, которой рейхсвер со своей стороны перепоручил техническое исполнение взятых по договору обязательств (поставка оборудования и организация производства), получив от рейхсвера около 20 миллионов марок, фактически надула и рейхсвер и нас. Доставленное Штольценбергом оборудование не соответствовало условиям договора, и методы изготовления иприта нашими специалистами, а впоследствии и немецкими, были признаны устаревшими и негодными».

Также не были реализованы достигнутые договоренности о производстве в СССР противогазов, пулеметов, военной оптики. В декабре 1926 г. разразился политический скандал в связи с публикацией в газетах Германии и Англии сведений о немецких заказах в СССР военного снаряжения. Сделки были приостановлены.

Беспокойство соответствующих советских органов вызывал кадровый состав немецких военных делегаций, приехавших в СССР. Уже в 1924 г. А. Артузов, руководитель контрразведывательной службы ГПУ, писал по этому поводу: «нами установлено, что личный состав этих предприятий подбирается в большинстве своем... из лиц, живших ранее в России, которые до и во время революции привлекались к ответственности по подозрению в шпионаже». Поэтому во многих советских документах, относящихся к

сфере военного сотрудничества с Германией, постоянно подчеркивается мысль – «не давать возможности немцам проникать в наш армейский организм».

В целом советско-германское сотрудничество в военно-промышленной сфере не получило значительного развития. 1 февраля 1926 г. Крестинский после встречи с генералами Сектом и Хассе писал в Москву: «...подводя деловые итоги совместной трехлетней работы, вынуждены признать, что работа эта почти ничего не дала». Генералы, с которыми разговаривал полпред, объясняли это тяжелым экономическим положением Германии, тем, что министерство рейхсвера – бюджетная организация. Но было и противодействие определенных политических сил, не заинтересованных в укреплении военного потенциала СССР.

В марте 1926 г. в Берлин приехала большая советская военная делегация во главе с зам. председателя Реввоенсовета С.И. Уншлихтом. С самого начала переговоров советские представители констатировали: «Никаких обязательств финансового характера немецкая сторона взять на себя не может и готова лишь оказать содействие в привлечении частного германского капитала».

Итоги переговоров были зафиксированы в протоколе следующим образом:

- предложение советской стороны об организации производства в СССР пулеметов Дрейзе германской стороной отклонено;

- предложение германской стороны об организации танковой школы принято советской стороной;

- предложение советской стороны об организации в СССР моторостроения и танкового производства на совместных началах германской стороной отклонено;

- предложение советской стороны об организации на совместных началах производства тяжелой артиллерии германской стороной отклонено;

- в заказах на снаряды германская сторона отказала;

- германская сторона отказалась участвовать в совместном производстве подлодок, сторожевых судов, быстроходных катеров на судостроительном заводе в Николаеве;

– германское предложение о расширении школы в Липецке советской стороной принимается.

Таким образом, советские намерения с помощью Германии создать военную промышленность не были реализованы. Германские военные соглашались только на то, что было им необходимо в данный период и что не было связано с большими финансовыми затратами. 31 декабря 1926 г Уншлихт докладывал Сталину: «Попытка привлечь в нашу военную промышленность через министерство рейхсвера германский капитал не увенчались успехом. Поэтому впредь мы вынуждены отказаться от организации совместных с ним военно-промышленных предприятий».

Изменение похода германской стороны к военному сотрудничеству с СССР во второй половине 20-х гг. было связано с тем, что иным становится положение Германии в «европейском концерте». «План Дауэса» и Локарнские решения позволили Германии более активно включиться в европейскую политику. В «Записке», подготовленной в январе 1927 года в советском полпредстве в Берлине, в частности, говорилось: настоящий момент характеризуется укреплением международных позиций Германии, немцы использовали сотрудничество с СССР в военной сфере «в числе прочих политических спекуляций и тем самым сумели поднять свой удельный вес в глазах Антанты до теперешних высот». В самой Германии ослабевает влияние групп «восточной ориентации» и возрастает влияние западников.

Действительно, в конце 1926 г. генерал Сект уходит в отставку, новый командующий рейхсвером генерал В. Хейе более «осторожен» в развитии отношений с Красной Армией. Уже в 1927 г. военный министр Геслер делает заявление, что когда-нибудь придется рассматривать СССР как своего противника.

Командование военно-морских сил Германии вообще отказывается от всяких контактов с советскими моряками, рассматривая СССР как «величайшего врага Германии».

В этих условиях советское руководство меняет свой подход к проблеме военного сотрудничества с Германией. Суть нового подхода выразил Уншлихт в письме Крестинскому в феврале 1927 г.

Он писал, что большая ориентация Германии на Запад, безуспешность попыток использования германского капитала для нашей военной промышленности и получения секретов военной техники рейхсвера – все это обусловило решение «инстанции» (так в те годы обозначали в переписке Политбюро ЦК ВКП(б)) на постепенное свертывание военного сотрудничества с Германией. Но при этом «не нарушить хороших добрососедских отношений с рейхсвером, сохранение коих признано инстанцией желательным».

Таким образом происходит смещение акцентов с попыток привлечения германского капитала и военных технологий в промышленность СССР на подготовку и обучение специалистов обеих стран.

Самым крупным советско-германским военным объектом на территории СССР в конце 20-х гг. была авиационная школа в Липецке. Соглашение о её создании было подписано в апреле 1925 г., но работать в полном формате она начала в 1927 г. Начальник Разведупра Берзин докладывал Ворошилову: «Школа в первые два года была материально слабо обеспечена, имела старые самолеты, и работа для нас особого интереса не имела. Начиная с 1927 г. школа начала работать, и наш интерес к ней возрос. Все расходы по организации, оборудованию и содержанию школы несут немцы».

В авиашколе в Липецке велась подготовка летчиков-истребителей и летчиков-наблюдателей. Советская сторона предлагала более углубленное сотрудничество: проведение опытно-исследовательских работ в области авиации, испытание новых авиационных двигателей, высотное картографирование, полеты в тумане. Но немцы от этого уклонились. Их устраивала практика тренировочных полетов на военных самолетах. Обучение проводилось в течение 4 недель, полеты проводились только летом.

В 1923 г. личный состав школы в Липецке составлял около 300 человек, немцев – 43 человека. Во главе школы стояли немецкие офицеры. Всего подготовку в Липецке прошли 120 летчиков и 100 летчиков-наблюдателей.

Договоренность о создании танковой школы в Казани была достигнута в конце 1926 г. В полном объеме занятия начались в 1928 г.

В 1932 г. в составе школы насчитывалось 176 человек учебного и преподавательского персонала, из них 23 немца. Школа имела 5 тяжелых и 8 легких танков. Финансирование школы осуществлялось немецкой стороной. Танковую школу в Казани окончили 30 немецких офицеров. В 1928 году школу инспектировал генерал Бломберг, будущий военный министр нацистской Германии. В своем отчете он отметил: «Тактическое образование преподавательского персонала должно быть повышено. К этому нынешний руководитель не способен... Ускорение поставки танков является неотложным».

Еще одним учебно-производственным объектом, созданным в 1927 году с участием Германии, была школа химической войны (объект «Томка») в Саратовской области. Немецкий персонал предприятия составлял 25 человек. В мае 1932 г. германский генштаб констатировал: русские «хотят получать лишь наши новинки (боевые отравляющие вещества, приборы). Сотрудничество в этой форме, естественно, не радует...».

Особой формой сотрудничества военных двух стран было взаимные посещения военных маневров, а также обучение красных командиров в военной академии в Германии. Германские генералы и офицеры обладали опытом управления войсками на фронтах мировой войны, работой штабов, систем связи. Командиры Красной Армии имели лишь опыт гражданской войны. В конце декабря 1928 г. Крестинский писал Сталину: «С нашей стороны сотрудничество также проявляется в том, что мы посылаем ежегодно, уже в течение 3 или 4 лет, группы наших красных командиров на германские маневры. Во-вторых, последние два года мы присылаем сюда группы наших ответственных командиров для прохождения здесь в германской военной академии практического и теоретического курса».

В числе тех, кто посетил Германию с этими целями, были Тухачевский, Уборевич, Эйдеман и др. Срок пребывания в Германии

у большинства из них был от 4 недель до 4 месяцев. Последняя группа командиров Красной Армии находилась в Германии в 1933 г.

С приходом Гитлера к власти все контакты по военной линии с Германией были прекращены. 31 августа 1933 г. Берзин докладывал Ворошилову: «1) 15 августа закончена ликвидация станции “Томка”; 2) в период 7–10 сентября намечается окончательная ликвидация школы в Казани; 3) в период 20–30 сентября будет окончательно ликвидирована станция “друзей” в Липецке...».

Так завершилось военное сотрудничество СССР и Веймарской Германии. По сравнению с экономическими и политическими проблемами в отношениях двух стран проблемы военного сотрудничества занимали второстепенное место. Это подтверждается и тем, что на заседаниях Политбюро в 20-е гг. вопросы военного сотрудничества с Германией ставились чрезвычайно редко, хотя обсуждение германских дел велось на многих заседаниях этого высшего органа партии. К этому следует добавить, что, судя по опубликованным документам, командование РККА не проявляло особого восторга по поводу сотрудничества с рейхсвером. Так, Берзин в докладе Ворошилову отмечал: «Нет сомнения, что все немецкие предприятия, кроме своей задачи, имеют также задачу экономической, политической и военной информации (шпионажа)... С этой стороны предприятия нам приносят определенный вред». Но, выполняя волю руководства страны, командование Красной Армии шло на сотрудничество в военной сфере с Германией.

Литература

- Ахтамзян А.А.* Военное сотрудничество СССР и Германии. 1920–1930 // Новая и новейшая история. 1990. № 5.
- Байков А.Ю.* Советско-германское сотрудничество в области авиационной промышленности (1922–1933 гг.) // Отечественная история. 2007. № 2.
- Горлов С.А.* Совершенно секретно: альянс Москвы и Берлина, 1920–1933. М., 2001.
- Захаров В.В.* Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии в 1920–1941 гг. М., 1992.
- Кантор Ю.* Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930 гг. М., 2009.

Глава 6. СССР И НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ (1933–1938 гг.)

В последние годы внешняя политика СССР накануне Второй мировой войны и особенно советско-нацистские отношения явились предметом острых споров и дискуссий. Целый ряд отечественных историков и публицистов, отвергая все, что было написано об этом в советский период, стремятся утвердить в сознании читателей свой «особый» взгляд на эти проблемы. Подчеркивается, что нацизм и коммунизм – «близнецы-братья», что Сталин все эти годы только и думал о том, как сговориться с Гитлером, что борьба СССР за мир и коллективную безопасность в 30-х гг. не была приоритетной задачей советского руководства, а служила де прикрытием для агрессивных замыслов и т.д.

Но это не так. Нацизм с его расистскими идеями и коммунизм, исповедующий гуманистические принципы, – враждебные антагонистические идеологии. Для нацистов коммунизм – смертельный враг. Превосходство арийской расы, как считали нацисты, предполагало подчинение других народов, что могло быть достигнуто только войной. Отсюда – курс на проведение агрессивной внешней политики, что было изложено Гитлером в его книге «Майн Кампф».

Приход нацистов к власти в Германии явился переломным событием в международных отношениях в Европе в целом и, прежде всего, в развитии советско-германских отношений. Вслед за дальним Востоком, где Япония в 1931 г. начала агрессивную войну в Китае, очаг будущей войны возникает и в Европе. 3 апреля 1933 г., выступая перед генералами рейхсвера, Гитлер, ставший канцлером Германии, говорил – цель внешней политики Германии «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация». Подготовка к войне становится главной задачей нацистского руководства. В 1933–1939 гг. Германия потратила на военные нужды 90 млрд марок, что значительно больше, чем Ан-

глия, Франция и Италия, вместе взятые. Но пока Германия не была готова к войне, Гитлер выступал за мир, за переговоры по спорным вопросам.

В отличие от руководителей Веймарской республики, которые шантажировали западные страны угрозой сближения с СССР, Гитлер демонстрирует открытый антисоветизм, представляя Германию как главный оплот против большевизма. Таким путем он стремился добиться от правительств Англии и Франции новых уступок.

Таким образом, с приходом нацистов к власти Германия из главного политического партнера СССР в Европе превращается в опасного противника. Советскому руководству теперь приходится определить новые приоритеты своей европейской политики, исходя из реалий, складывающихся в этом регионе.

Правда, некоторое время в Москве полагали, что Гитлер – не самостоятельная фигура, что под давлением генералов рейхсвера и деловых кругов он будет проводить разумную внешнюю политику. Действительно, первые действия нацистского правительства по отношению к СССР носили вполне миролюбивый характер. 25 февраля 1933 г. было подписано советско-германское соглашение по финансовым и экономическим вопросам, учитывавшее советские пожелания. 21 марта, выступая в рейхстаге, Геринг говорил, что советско-германские отношения «будут столь же дружественными, как они были в прошлом». В апреле 1933 г. был ратифицирован Протокол о продлении действия Берлинского договора 1926 г., который был подписан правительством Брюнинга ещё в 1931 г. В Москве, однако, отнеслись к этому акту достаточно сдержанно. Зам. наркома Н. Крестинский писал полпреду Д. Хинчуку в Берлин: «Мы учитывали, что немецкая сторона постарается раздуть значение продления Берлинского договора... Состоялась ратификация давно подписанного протокола, ратификация, фактически не вносящая ничего нового о советско-германские отношения».

Тем не менее, казалось, что новое правительство Германии будет продолжать политику своих предшественников, ибо сохраня-

лась взаимная экономическая заинтересованность. Примером могли служить хорошие экономические отношения, сложившиеся в 20-е гг. у СССР с фашистской Италией. Нарком Литвинов 13 июня 1933 г. говорил новому главе МИД Германии Нейрату (который тогда ещё не был членом нацистской партии): «...До прихода к власти «наций», мы допускали, что они в свое время отрекутся от своих антисоветских программ, и будут продолжать политику прежних германских правительств по отношению к СССР, и мы сами допускали сотрудничество с ними на тех же основаниях, что и прежде».

Но подобные иллюзии очень быстро прошли. Уже летом и осенью 1933 г. в Германии имели место налеты и обыски в советских учреждениях и у советских граждан. За 1933 г. советское полпредство направило германским властям 217 нот протеста по этим фактам. В сентябре 1933 г. разразился «журналистский конфликт», когда власти Германии не разрешили корреспондентам ТАСС и «Известий» присутствовать на Лейпцигском процессе. Ответ советской стороны был решительным и быстрым. Из СССР были высланы все немецкие журналисты, все советские – отозваны из Германии. Берлину пришлось давать отбой. Геринг заявил, что германо-русские отношения не выдержат подобной нагрузки. В конце октября 1933 г. конфликт был урегулирован.

Тем не менее, в своем годовом отчете полпред Хинчук отмечал: «...1933 год был переломным годом в развитии советско-германских отношений. Приход фашистов к власти в Германии поставил в порядок дня германской внешней политики осуществление давнишних антисоветских планов Гитлера и Розенберга».

Но выход из Лиги Наций осенью 1933 г., затем уход с Конференции по разоружению осложнили внешнеполитическое положение Германии. Гитлер опасался репрессивных мер со стороны Запада, он говорил, что не исключает даже оккупации Рура Францией. И хотя все обошлось, в этих условиях обострять ещё более отношения с СССР не имело смысла. Статс-секретарь Бюлов говорил на совещании в МИД: «...в настоящее время нет ничего, что бы наша внешняя политика могла приобрести в обмен на разрыв с

Россией, более того, в нашей нынешней ситуации мы вряд ли сможем обойтись без “русской тени”».

Гитлер делает несколько примирительных жестов. В октябре 1933 года вместо Дирксена, переведенного в Токио, послом в Москву был назначен Р. Надольный, представитель старой дипломатической школы, сторонник сближения Германии с СССР. Он считал, что едет в СССР «возродить Рапалло». Германские газеты писали, что происходит «улучшение отношений с Россией». В декабре 1933 г. полпредство сообщало в Москву: «...волна бесчинств по отношению к советским учреждениям и советским гражданам стала заметно спадать и к концу года сошла почти на нет». В феврале 1934 г. был освобожден Г. Димитров, восторженно встреченный в Москве.

В марте 1934 г. было подписано очередное советско-германское экономическое соглашение с рядом уступок германской стороны. Комментируя это событие, полпредство сообщало: «Немцы откровенно говорили нам, что их не столько интересует существо самого соглашения, сколько политическое значение самого факта подписания хоть какого-нибудь соглашения с нами», чтобы показать это перед всем миром.

Нараставшая со стороны Германии угроза ощущалась во Франции сильнее, чем в других странах Западной Европы. Это явилось предпосылкой продолжения начатого еще в 1931 г. франко-советского сближения. Правда, выступая в январе 1934 г. на XVII съезде ВКП(б), Сталин говорил, что СССР не ориентируется на Францию, как не ориентировался он в прошлом на Германию. Генсек подчеркивал: «Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР... И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это без колебаний». Но, кроме Франции, в начале 30-х гг. для СССР в Европе потенциального союзника не было.

1934 год был ознаменован выдвижением совместно Францией и СССР проекта Восточного пакта, который бы объединил страны Восточной Европы на принципах мира и безопасности. Активную

роль в разработке этого проекта сыграл министр иностранных дел Франции Л. Барту. Германия, а затем и Польша, резко отрицательно отнеслись к идее Восточного пакта. Нацистское руководство рассматривало этот проект как способ укрепления Версальской системы. В августе 1934 г. германское правительство потребовало в качестве условия вступления в Восточный пакт признания равноправия Германии в вооружениях. Это было, конечно, неприемлемое условие и знаменовало фактический отказ Германии от Восточного пакта.

В связи с этим Политбюро ЦК ВКП(б) дало специальное указание НКВД: «1) Никаких предложений о легализации вооружений Германии по нашей инициативе не делать. 2) Предложить Франции соглашение об обоюдном обязательстве СССР и Франции не заключать никаких политических соглашений с Германией без предварительного взаимного извещения, а также о взаимном информировании о всякого рода политических переговорах с Германией».

В новых условиях меняется подход СССР к Версальскому миропорядку. Вместо антиверсальской линии 20-х гг., когда СССР поддерживал Веймарскую Германию в её стремлении разрушить Версальскую систему, теперь СССР выступает поборником стабильности, защитником мира в Европе. Литвинов подчеркивал, что СССР не против ревизии мирных договоров, но лишь «мирным путем». Наконец, Сталин, встречаясь с британским министром Иденом в Москве в марте 1935 г., говорил, что нельзя удерживать германский народ в цепях Версальского договора, «однако форма и обстоятельства этого освобождения от Версаля таковы, что способны вызвать у нас серьезную тревогу».

В интересах укрепления европейской стабильности СССР в сентябре 1934 г. вступил в Лигу Наций. Реакция Германии на это была крайне негативной. Полпредство сообщало из Берлина: «Вступление СССР в Лигу Наций было встречено германской прессой неслыханным воем... Такого разгула антисоветской кампании, как в период вступления СССР в Лигу Наций, за последние четыре года в Германии еще не было».

В отношении СССР к Германии важную роль играл экономический фактор. Германия оставалась важнейшим торговым партнером СССР. Ещё недавно советская сторона закупала в Германии машин и промышленного оборудования на миллиарды рублей. Выгодным было и то, что немцы платили за сырье и продовольственные цены, выше мировых. До 1936 г. из Германии поставлялась и оборонная техника.

Выступая в июне 1933 г. на Лондонской международной экономической конференции, Литвинов говорил, что СССР готов разместить заказы за границей на сумму один миллиард долларов. Но к середине 30-х гг. Советский Союз не смог наладить хороших экономических связей ни с Францией, ни с Англией, ни с США. Промышленное оборудование, как и прежде, закупалось в Германии. Ежегодно оформлялись протоколы, регулирующие товарооборот, фиксировавшие условия взаимных поставок. Но товарооборот между двумя странами в 1933–1938 гг. непрерывно сокращался.

Торговля СССР и Германии

Годы	Экспорт из СССР в Германию, млн руб.	Импорт из Германии, млн руб.
1932	350,2	1192,0
1933	298,8	515,9
1934	343,0	100,2
1935	290,1	75,6
1936	92,8	245,4
1937	80,6	151,3
1938	64,8	50,7
1939	46,5	42,3

В целом удельный вес Германии во внешнеторговом обороте СССР сократился с 1933 по 1938 гг. в 5 раз. Подобная динамика торговли между двумя странами объяснялась рядом факторов: поворотом нацистского режима к подготовке к войне, что стимулировало большие государственные заказы германской промышленности, переход по этой же причине к политике автаркии с целью уменьшения зависимости Германии от внешних рынков сырья.

Конечно, важную роль во всем этом играло ухудшение с каждым годом политических отношений между СССР и Германией.

Болезненной проблемой для Москвы стала активизация политики Германии в Восточной Европе. Если Веймарская Германия традиционно рассматривала Польшу как своего потенциального противника, которого надо оттеснить в его «этнографические границы», то Гитлер, используя антисоветизм Пилсудского, стремился сделать Польшу своим союзником. В апреле 1933 г. Геббельс говорил польскому министру иностранных дел Беку, что будущее Германии и Польши лежит не на Западе, а на Востоке. Польше обещали Литву и выход к Черному морю. Правители тогдашней Польши охотно поддерживали антисоветские инициативы Гитлера. В январе 1934 г. была подписана германо-польская декларация, которая фактически явилась пактом о ненападении и дружбе. Закономерным итогом всего этого явилось отклонение Польшей идеи Восточного пакта, инициированного союзницей Польши – Францией.

Поддержка со стороны Польши для нацистов была весьма кстати. Внешнеполитическое положение Германии к осени 1934 г. снова ухудшилось: неблагоприятной была реакция европейского общественного мнения на «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г., на преследования евреев в Германии. Предпринятая летом 1934 г. попытка аншлюса Австрии провалилась. Встретив сопротивление Италии, Гитлер отступил. Статс-секретарь МИД Германии Бюлов 16 августа писал: «чрезвычайно опасным периодом будет зима 1934/35 гг. из-за реорганизации рейхсвера. Наша безопасность будет опираться только на искусную внешнюю политику и отказ от любых провокаций».

Но ничего плохого для нацистов не произошло. После убийства в октябре 1934 г. Л. Барту французский МИД возглавил П. Лаваль, относившийся к числу откровенных умиротворителей. Изменения во внешней политике Франции четко проявились при решении вопроса о Сааре. В январе 1935 г. Саар был присоединен к Германии в итоге проведенного там плебисцита при полном равнодушии французских властей. Гитлер говорил по этому поводу: «Французы окончательно упустили случай для превентивной войны».

Ободренные бездействием Англии и Франции, нацисты идут дальше в нарушении военных ограничений Версальского договора. В Германии было объявлено о создании военной авиации, что запрещалось Версальским договором. В марте 1935 г. Гитлер подписал декрет о введении в Германии всеобщей воинской повинности, что увеличивало вермахт до 550 тыс. человек. Гитлер мотивировал эту свою акцию угрозой со стороны СССР.

Ответом на эти действия Германии явилось подписание 2 мая 1935 г. договора СССР и Франции о взаимной помощи (разработанного ещё при участии Барту) и 16 мая – договора о взаимной помощи СССР и Чехословакии.

Эти два договора могли бы стать серьезным барьером на пути агрессивной политики Германии. В мае 1935 г. на встрече в Москве с Лавалем, который заявил, что франко-советский пакт не направлен против какой-либо державы, Сталин подчеркнул: «Как не направлен? Наоборот, направлен и очень направлен против определенной страны – Германии».

Но, если ратификация франко-советского договора о ненападении 1932 г. французским парламентом была практически единогласной (против был лишь один депутат), то при ратификации договора 1935 г. против было уже более сотни депутатов. Тенденция на примирение с нацистской Германией во французской правящей элите была очевидной. Сам Лаваль говорил летом 1935 г., что не намерен «превращать пакт с СССР в тесный союз». Он же в беседе с германским послом утверждал, что немцы должны «благодарить» его за то, что франко-советский пакт «заключен лишь на пять лет».

Подписание советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи не привели к изменению политической линии западных держав. Курс на поиски компромисса с Германией оставался без изменений. Подтверждало это подписанное в июне 1935 г. англо-германское морское соглашение, по которому Германии разрешалось построить военно-морской флот, равный 35% от уровня флота Британской империи и 45% – от уровня её подводного флота. Это соглашение было подписано без консультаций

с Францией, оно подводило легальную базу под военные приготовления Германии. Англо-германское морское соглашение противоречило интересам СССР, ибо германский флот получал возможность господства на Балтике.

В середине 30-х гг. Москва предприняла еще одну попытку улучшить отношения с Германией. По личной инициативе Сталина новый торгпред в Германии Д. Канделаки, начиная с весны 1935 г., пытался через министра финансов Я. Шахта выйти на Геринга, с помощью которого дать новый импульс развитию хозяйственных отношений между двумя странами. Несмотря на весьма скептическое отношение Литвинова и полпреда в Германии Сурица, Канделаки продолжал свои переговоры с Шахтом в обход германского МИД вплоть до весны 1937 г. Контакты по дипломатической линии в эти годы были сведены к минимуму. Никаких результатов эти переговоры не дали, и Канделаки был отозван в Москву.

Исход всего этого предприятия был предсказан полпредом Сурицем заранее. Он писал Литвинову: «Все мои общения с немцами лишь укрепили уже раньше сложившиеся у меня убеждения, что взятый Гитлером курс против нас остается неизменным и что ожидать каких-либо серьезных изменений в ближайшем будущем не приходится ...У Гитлера имеются три пункта помешательства: вражда к СССР, еврейский вопрос и аншлюс. Вражда к СССР составляет основу его тактической линии в области внешней политики».

Таким образом, наивными оказались попытки «разыграть» Геринга против Гитлера, увлечь нацистов советским сырьем в обмен на поставки для советской оборонной промышленности. Немцы умело допустили «утечку» информации об этих встречах. Пришлось оправдываться перед Францией и Чехословакией. Советские полпреды в Париже и Праге получили инструкции: «Заверьте МИД, что циркулирующие за границей слухи о нашем сближении с Германией лишены каких бы то ни было оснований. Мы не вели и не ведем никаких переговоров с немцами».

Вторая половина 30-х гг. характеризуется новыми агрессивными актами со стороны Германии. Продолжается политика умиро-

творения агрессора. Новый британский премьер-министр Н. Чемберлен утверждал, что Версальская система изжила себя и необходим новый европейский порядок.

В марте 1936 г. Гитлер вводит войска на территорию Рейнской демилитаризованной зоны и объявляет о выходе Германии из Локкарнского договора. Формальным поводом для этой акции послужила ратификация французским парламентом договора о взаимопомощи с СССР. Гитлер сильно рисковал при этом. Позже он говорил: «Если бы французы двинулись в Рейнскую область, нам пришлось бы с позором отступить, поскольку силы, которыми мы располагали, были недостаточны даже для слабого сопротивления».

Германские войска снова вышли на границу с Францией. Эти действия нацистов были осуждены советским правительством, готовым поддержать санкции против Германии. Но позиция британского правительства, а затем под его давлением и французских властей, помешали принятию каких-либо мер против действий Германии.

В эти же годы идет формирование блока агрессивных государств.

В ходе совместной интервенции в Испании складывается «ось Берлин – Рим». Затем в том же 1936 г. Германия и Япония подписывают Антикоминтерновский пакт, к которому в 1937 г. присоединяется Италия. Хотя при подписании Пакта Германия сделала оговорку, что «не считает, что положения существующих политических договоров между Германией и СССР 1922 и 1926 гг. противоречат духу настоящего соглашения и вытекающих из него обязательств», антисоветская направленность Антикоминтерновского пакта была очевидной.

30 января 1937 г. Гитлер в рейхстаге официально объявил об отказе соблюдать Версальский договор, призвал державы признать право Германии на присоединение территорий с немецким населением – Австрии, Судетской области, Данцига. Только правительство СССР последовательно осуждало агрессивные действия Германии и других держав, вставших на путь захвата чужой террито-

рии. Выступая с трибуны лиги Наций, Литвинов говорил: «Мир не разбросан и не раздроблен в разных частях земного шара. Мир неделим».

1937–1939 гг. – самая низкая точка в советско-германских отношениях. До минимума сократились торгово-экономические связи. После отзыва осенью 1937 г. из Берлина полпреда Юренева этот пост почти год оставался вакантным. В 1938 г. Германия и СССР приняли решение о взаимной ликвидации консульств на территории своих стран. Советское полпредство – в полной изоляции. Поверенный в делах Г. Астахов сообщал в Москву: «Мои возможности общения суживаются все более и более. Посещать коллег приходится весьма рассчитано и редко... К нам же немногие рискуют заглядывать. На приемах, устраиваемых немцами, мне почти не приходится бывать».

Ободряя своих коллег, Литвинов писал в Берлин в марте 1937 г.: «Рекомендую Вам не принимать слишком близко к сердцу отказ немцев от посещения Ваших приемов и обедов и неприглашения Вас на их приемы. Мы здесь относимся к этому совершенно равнодушно».

Апофеозом политики умиротворения нацистской Германии явились события 1938 г.: аншлюс Австрии в марте и Мюнхенская конференция в сентябре, по решению, принятому в Мюнхене, Судетская область Чехословакии была передана Германии. Соучастниками Германии в разделе Чехословакии явились Польша, захватившая Тешинскую область в Силезии, и Венгрия.

Чехословакия обладала хорошо вооруженной армией, имела договоры о взаимной помощи с Францией и СССР. Но правительства Англии и Франции сделали все возможное, чтобы сломить сопротивление чехов, заставить их отказаться от помощи СССР и отдать Германии Судетскую область с населением 3,5 млн человек.

Оценивая итоги Мюнхенского диктата, Литвинов говорил: «Мы считаем случившееся катастрофой для всего мира».

1 октября 1938 г. Н. Чемберлен и Гитлер подписали англо-германскую декларацию о ненападении, 6 декабря того же 1938 г. была подписана аналогичная франко-германская декларация.

Комментируя этот документ, Риббентроп говорил, что эта декларация окончательно «отколола Францию от СССР и устранила последние остатки опасности русско-французского сотрудничества».

Политика умиротворения агрессора привела к кардинальному изменению баланса сил в Европе в пользу Германии, которая стала самой сильной державой на континенте. Лидеры Англии и Франции полагали, что они отвели войну от Западной Европы и что лишь Восточная Европа станет сферой германского влияния. Гитлер уверял Чемберлена и Даладье, что Германия «станет бастионом мира и стабильности в Центральной Европе, оплотом борьбы с коммунистическим режимом». Полпред в Лондоне И.М. Майский сообщал в Москву в ноябре 1938 г.: «Политика британского правительства в настоящее время в сильнейшей степени строится на ожидании германской экспансии на Восток».

Но Гитлер переиграл лидеров западных стран. Он говорил: «У Великобритании и Франции нет выдающихся личностей. Мы имеем дело с посредственностями... Люди, которых я видел в Мюнхене, не способны начать мировую войну».

Мюнхенские соглашения изменили полностью международную ситуацию в Европе, потерпела крах вся Версальская система международных отношений. Для СССР складывалась новая международная ситуация. Приходилось искать новые приоритеты во внешней политике, по-новому определять отношения с ведущими державами на европейском континенте.

Литература

- Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.
- Максимычев И.Ф.* Дипломатия мира против дипломатии войны. Очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933–1938 гг. М., 1981.
- Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е.* История между народных отношений. 1918–1939 гг. М., 2008. Гл. 6, 7.
- Сиполс В.Я.* Внешняя политика СССР. 1936–1939. М., 1987.
- Соколов В.В.* Деятельность советского посольства в Берлине. 1918–1941 // Новая и новейшая история. 2006. № 2.
- Случ С.З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2006. № 1.

Глава 7. МЕЖДУНАРОДШЫЙ КРИЗИС 1933 г. СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ДОГОВОРЫ 23 АВГУСТА И 28 СЕНТЯБРЯ 1939 г.

События 1939 года, связанные с развязыванием Второй мировой войны, были и остаются объектом острых споров и дискуссий. В центре этих дискуссий, как правило, стоит проблема договора о ненападении между СССР и Германией (или как его стали называть американцы «Пакт Молотова – Риббентропа»), подписанного 23 августа 1939 г. Делаются попытки представить этот договор как преступную сделку двух тоталитарных режимов, обвинить СССР в соучастии с нацистской Германией в развязывании мировой войны. При этом события рисуются односторонне, не учитываются зачастую сложность и многозначимость различных факторов. Особенно в этом преуспели историки и политики Польши и стран Балтии, которые стремятся добиться от России покаяния и извинений за события 1939–1940 гг. Даже Совет Европы 10 июня 2011 г., несмотря на резкие протесты представителей России, объявил дату 23 августа как Европейский день памяти жертв тоталитарных режимов.

Для того, чтобы объективно разобраться и понять, почему советское руководство пошло на подписание договора с Германией в конкретных условиях августа 1939 г., оценить последствия этого договора, необходимо исходить из определенных принципиальных положений.

Первое. Необходимо соблюдать принцип историзма, памятуя, что мы теперь знаем много больше о событиях того времени, чем тогдашние государственные деятели. Например, неправомерно упрекать Сталина в том, что он не знал, что «Второй Мюнхен» не состоится, что Гитлер не двинет свои войска дальше на восток после разгрома Польши и т.п. Об этом станет известно позже. Но в августе 1939 г. все это не исключалось.

Второе. Не следует давать оценку событиям прошлых лет, исходя из морально-нравственных норм современности, мораль – кате-

гория историческая. Она соответствует воззрениям людей своей эпохи. Так, в декабре 1989 г. Съезд народных депутатов СССР по настоянию депутатов из республик Прибалтики назвал договор о ненападении между СССР и Германией «противоречащим нормам международного права и морали». Насколько правомерной была такая оценка? Осенью 1939 г., как уже отмечалось, были подписаны англо-германская и франко-германская декларации о ненападении. В июне 1939 г. Германия подписала договоры о ненападении с Латвией и Эстонией. Но никогда не утверждалось, что эти документы противоречат международному праву и являются «аморальными».

Был ли «Секретный дополнительный протокол» к договору 23 августа 1939 г. о разграничении сфер влияния Германии и СССР в Восточной Европе уникальным, единственным в своем роде документом? Нет, не был. Достаточно вспомнить о предложенной Черчиллем в октябре 1944 г. Сталину сделке по разделу сфер влияния на Балканах после войны (т.н. «процентное соглашение»). Была ли «моральной» позиция Рузвельта и Черчилля на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., когда они согласились «компенсировать» СССР за вступление в войну против Японии за счет Китая? Поэтому вполне прав был В.М. Бережков, в прошлом дипломат и переводчик Сталина, который писал в связи с решением Съезда народных депутатов следующее: «Мне представляется, что к оценке тогдашней ситуации подошли с сегодняшними мерками. Ведь многое из того, что ныне большинство прогрессивно мыслящих людей полагают аморальным, полвека назад считалось нормой международного поведения».

Третье. Недостаточен и формально-юридический подход при оценке событий, связанных с проблемами национальной безопасности государства. Так, 22 июня 1940 г. Франция признала свое поражение и подписала перемирие с Германией. Но через неделю, 30 июня, военные корабли союзной Англии вошли в североафриканский порт Мерс Эль-кебир и разгромили стоявшую там французскую военную эскадру. Погибло много французских моряков. Союзнические отношения двух стран были разорваны Англией. Но этот акт был совершен во имя высокой цели – недопу-

щения перехода французского военно-морского флота под контроль Гитлера. Поэтому никто, кроме пэтеновцев, не осудил эти действия британского правительства. Великий патриот Франции де Голль считал, что «спасение Франции превыше всего, превыше даже судьбы военно-морского флота».

Советский Союз, вводя 17 сентября 1939 г. свои войска на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, входивших тогда в состав Польского государства, а затем присоединяя Прибалтику, стремился упредить нацистскую Германию в развертывании сил для грядущей неизбежной схватки. Это была высокая цель. Поэтому рассуждения о том, какие параграфы, каких договоров нарушил СССР, вряд ли можно считать разумными. Речь, в конечном счете, шла о судьбе всей Европы.

Четвертое. Нет сомнений, что Англия и Франция не хотели войны на Западе и стремились любой ценой отодвинуть её на Восток. Даже самые ярые противники сталинизма признают, что западные страны несут свою долю ответственности за срыв тройственных англо-франко-советских переговоров весной-летом 1939 г. СССР был готов и хотел сотрудничать с Англией и Францией против агрессивной политики Германии. Сталин говорил Г. Димитрову: «Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели иметь нас в батраках... Мы, конечно, не пошли бы в батраки». Западные страны хотели, чтобы СССР защищал Польшу, не давая взамен ничего. «Странная война» показала тогдашнее реальное отношение Англии и Франции к войне с Германией. С сентября 1939 г. 110 английских и французских дивизий стояли в бездействии на западной границе Германии, которую обороняли 25 дивизий вермахта, и не пришли на помощь сражающейся Польше.

Пятое. Не следует представлять Сталина как некомпетентного во внешней политике человека с зашоренной коммунистическими постулатами идеологией. Неправы те, кто утверждает, что Сталин ничего не понимал ни в дипломатии, ни в международных делах. Это не так. Сталин как политик стоял вровень с выдающимися государственными деятелями XX века – Рузвельтом, Черчиллем,

де Голлем. Бывший американский посол в СССР А. Гарриман писал в своих воспоминаниях: «Те, кто не знал Сталина лично, видят в нем только тирана. Мне пришлось видеть другую сторону его личности – высокую интеллектуальность, фантастическое знание деталей, пронизательность и неожиданную восприимчивость, которую он демонстрировал, во всяком случае, в период войны. Я обнаружил, что он был более информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль. В определенном смысле он был наиболее эффективным военным лидером».

Как известно, в начале 1939 г. Германия спровоцировала новый международный кризис, который, в конечном счете, привел к началу Второй мировой войны. 15 марта 1939 г. германские войска вошли в Прагу, ликвидировав Чехословацкую республику. Этим актом были грубо разорваны мюнхенские соглашения. Затем, 27 марта – Германия захватила литовский порт Клайпеда (Мемель), 29 апреля – Гитлер заявил о разрыве англо-германского морского соглашения 1935 г. и германо-польской декларации о ненападении 1934 г. Англо-французская политика умиротворения потерпела полный крах.

Происшедшие в Европе события непосредственно затрагивали интересы СССР. В период после Мюнхена СССР оказался в дипломатической изоляции: отношения как с англо-французским блоком, так и с Германией были откровенно враждебными. Но теперь и та, и другая сторона повернулись к СССР. В марте Англия инициирует переговоры с Москвой с целью привлечь СССР как гаранта безопасности Польши и Румынии. В свою очередь, Гитлер, который 11 апреля 1939 г. подписал «План Вайс», предусматривавший нападение на Польшу, стремился обеспечить нейтралитет СССР в грядущем военном конфликте.

Инициатива в сближении двух стран исходила от Германии. Как считают многие исследователи, первым шагом в этом направлении стала беседа 17 апреля 1939 г. статс-секретаря МИД Германии О. Вайцекера с полпредом СССР в Берлине А.Ф. Мерекаловым, в которой германский дипломат поднял вопрос об улучшении отношений двух стран. После того, как Мерекалов сообщал об

этом в НКВД, он был вызван в Москву. 21 апреля он был принят Сталиным, беседа с которым продолжалась около часа. Больше в Берлин Мерекалов не вернулся, там советскую сторону в ходе дальнейших переговоров представлял Г.А. Астахов, опытный и умелый дипломат.

Переводчик Сталина В.Н. Павлов вспоминал: «Наши переговоры с немцами велись через Астахова... На предложения германского правительства мы реагировали довольно прохладно. Когда начались англо-франко-советские переговоры, то немцы активизировали свои усилия по достижению соглашения с СССР. Они развернули лихорадочную деятельность в этом направлении».

Первоначально германская сторона намеревалась ограничиться лишь экономическими уступками. Об этом 20 мая 1939 г. германский посол Шуленбург¹ говорил в беседе с наркомом иностранных дел Молотовым.

Ответ наркома был неожиданным для посла: «Экономические переговоры с Германией за последние годы начинались не раз, но ни к чему не приводили... для успеха переговоров должна быть создана соответствующая политическая база».

С этого времени, с конца мая 1939 г., советско-германские переговоры в целом шли под диктовку советской стороны: Германия, как более заинтересованная в исходе переговоров, шла на уступки, хотя медленно и неохотно. Москва умело держала паузу, заставляя немцев нервничать. Астахов получил инструкцию: больше слушать и меньше говорить. Начавшиеся советско-германские пере-

---

¹ Граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург (875–1944) до Первой мировой войны служил в консульствах Германии в ряде стран, в т.ч. в Варшаве и Тифлисе. В 1922 г. назначен посланником в Тегеран, где проработал девять лет. В 1931–1934 гг. Шуленбург – посланник в Румынии. 4 октября 1934 г. он вручил верительные грамоты М.И. Калинину. Работа в Москве – звездный час в биографии этого дипломата. Убеденный сторонник политики Бисмарка в отношении России, Шуленбург тщетно пытался убедить Гитлера в миролюбии СССР. В годы войны он сблизился с оппозиционным Гитлеру «Кружком Герделера». После покушения на Гитлера Шуленбург был арестован и 10 ноября 1944 г. казнен. В наше время отношение к Шуленбургу, как дипломату, выступавшему за мир между Германией и СССР, самое положительное как в Германии, так и в России.

говоры велись на фоне вялотекущих тройственных переговоров в Москве. Мюнхен усилил у Сталина недоверие к политике Англии и Франции. В Москве полагали, что эти переговоры нужны Лондону и Парижу для нажима на Германию. При этом нужно иметь в виду, что тогда же в мае 1939 г. Япония начала военные действия на р. Халкин-гол на территории МНР. Все эти обстоятельства влияли, конечно, на позицию СССР.

В ходе советско-германских переговоров, которые, в конечном счете, переместились в Москву, советская сторона выдвигала и экономические, и политические предложения. Ставились вопросы о предоставлении кредита, о номенклатуре советских заказов. СССР стремился использовать промышленный потенциал Германии для производства необходимых товаров, а также решить некоторые геополитические проблемы в Восточной Европе, необходимые для обеспечения безопасности СССР.

10 июля немецкая сторона приняла советские условия по размерам кредита, процентной ставке и, главное, по номенклатуре советских заказов в Германии. 2 августа Риббентроп заявил Астахову, что между Германией и СССР нет противоречий «на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского». Дорога к завершению переговоров была открыта.

Чем ближе было 1 сентября, дата нападения на Польшу, тем больше нервничали в Берлине. Гитлер был готов пойти на любые уступки, лишь бы обеспечить нейтралитет СССР. 15 августа посол Шуленбург заявил Молотову: «...не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих сторон. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств и т.п.».

В Москве хорошо знали о намерениях Гитлера в отношении Польши и ее оборонительном потенциале. Было решено использовать складывающуюся ситуацию в своих интересах. 17 августа Молотов заявил Шуленбургу, что необходимо одновременно, одним пакетом, заключить торгово-кредитное соглашение, договор о ненападении и специальный секретный протокол, который бы представлял органическую часть договора о ненападении и преду-

сма­три­вал бы раз­гра­ни­че­ние сфер вли­я­ния в Вос­точ­ной Евро­пе. Пред­ло­же­ние было при­ня­то без вся­ко­го об­суж­де­ния.

19 ав­гу­ста 1939 г. в Бер­ли­не было под­пи­са­но тор­го­во­кре­дит­ное сог­ла­ше­ние, по ко­то­ро­му пред­ус­ма­три­ва­лись по­став­ки из Гер­ма­нии про­мыш­лен­ное обо­ру­до­ва­ние на 320 млн марок, в том чис­ле на 58 млн марок – воен­ных ма­те­ри­а­лов. В тот же день в Мос­кве Шу­лен­бург, на­ста­и­вая на сроч­ном при­ез­де Риб­бен­тро­па, го­во­рил Мо­ло­то­ву, что ми­ни­стр «имел бы неог­ра­ни­чен­ные пол­но­мо­чия Гит­ле­ра за­к­лю­чить вся­кое сог­ла­ше­ние, ко­то­ро­го бы же­ла­ло со­вет­ское пра­ви­тель­ство».

23 ав­гу­ста 1939 г. Риб­бен­троп при­был в Мос­кву и на­ча­лись пе­ре­го­во­ры. Когда Ста­лин ог­ла­сил со­дер­жа­ние пред­по­ла­гае­мо­го про­то­ко­ла о раз­гра­ни­че­нии сфер вли­я­ния, по сло­вам В. Пав­ло­ва, «Риб­бен­троп был ошарашен и ска­зал, что не имеет на это пол­но­мо­чий». При­шлось свя­зы­вать­ся с Бер­ли­ном и по­лу­чить санк­цию Гит­ле­ра. Позд­но ве­че­ром 23 ав­гу­ста Мо­ло­тов и Риб­бен­троп под­пи­са­ли до­го­вор о не­на­па­де­нии и Сек­рет­ный до­пол­ни­тель­ный про­то­кол, по ко­то­ро­му в сферу вли­я­ния СССР вхо­ди­ли Фин­ляндия, Лат­вия, Эс­то­ния, вос­точ­ные рай­оны Поль­ши, а так­же Бес­са­ра­бия. Но Лит­ва от­хо­ди­ла в сферу вли­я­ния Гер­ма­нии.

Сле­ду­ет от­ме­тить, что немец­кий ва­ри­ант до­го­во­ра о не­на­па­де­нии был очень краток и со­сто­ял всего из двух пун­к­тов, пер­вый из ко­то­рых пред­ус­ма­три­вал лишь обя­затель­ство сто­рон не всту­пать в вой­ну друг про­тив дру­га. Это со­вер­шен­но не устраи­ва­ло со­вет­скую сто­ро­ну, ко­то­рая пред­ло­жи­ла свой ва­ри­ант до­го­во­ра, со­сто­ящий из семи ста­тей. Ва­ж­ные до­пол­не­ния сви­ди­лись к сле­ду­ю­ще­му: ста­тья тре­тья гла­си­ла, что обе сто­ро­ны бу­дут по­сто­ян­но кон­суль­ти­ро­вать­ся и ин­фор­ми­ро­вать друг дру­га по всем во­про­сам, пред­став­ля­ю­щим вза­им­ный ин­те­рес, и ста­тья чет­вер­тая пред­ус­ма­три­ва­ла, что ни одна из сто­рон не бу­дет при­ни­мать уча­стия в груп­пиров­ке дер­жав, пря­мо или ко­свен­но на­прав­лен­ной про­тив дру­гой сто­ро­ны, уча­ст­ни­цы до­го­во­ра. Та­кой бо­лее обя­затель­ный до­го­вор по нас на­сто­я­нию СССР и был при­нят Гер­ма­ни­ей. Срок дей­ствия до­го­во­ра был ус­та­но­влен в де­сять лет.

На­сколь­ко раз­ум­ным и оправ­дан­ным для СССР было за­к­лю­че­ние пак­та о не­на­па­де­нии с на­цист­ской Гер­ма­ни­ей? Пре­жде всего

необходимо отметить, что происхождение и развязывание Второй мировой войны непосредственно никак не связано с советско-германским договором о ненападении. Решение Гитлера напасть на Польшу было принято задолго до подписания этого договора. Даже если бы СССР не пошел на подписание договора с Германией, это ничего не изменило бы в намерениях Гитлера. Механизм войны был уже запущен. Выступая перед своими генералами 22 августа 1939 г., нацистский фюрер говорил: «Боюсь только одного: как бы в последний момент какая-нибудь паршивая свинья не подсунула мне свой план посредничества».

Отклонение советской стороной предложенного Германией договора о ненападении было бы чревато серьезными морально-политическими осложнениями. Было уже отмечено, что в конце 1938 – первой половине 1939 гг. Германия заключила аналогичные договоры с несколькими государствами. В этих условиях отклонение предложения Германии могло свидетельствовать о некоей агрессивности СССР. Альтернативы советско-германскому договору о ненападении не было, ибо к этому времени окончательно завершились провалом тройственные переговоры в Москве.

Наиболее резкая критика в адрес СССР связана с вводом 17 сентября 1939 г. советских войск на территорию Восточной Польши, населенной украинцами и белорусами. На этом основании СССР объявляется агрессором и соучастником гитлеровской Германии в развязывании Второй мировой войны. 16 сентября 2009 г. польский сейм назвал ввод советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии «четвертым разделом Польши». Но понять эти действия СССР можно лишь в контексте событий того времени.

Факты свидетельствуют о том, что Польша несет свою долю ответственности за возникновение второй мировой войны. В 30-е гг. Польша, несмотря на заявление её правительства о равноудаленности от Берлина и Москвы, была ближе к Германии, чем к СССР. В 1934 г. правительство Польши подписало с нацистской Германией декларацию о ненападении. В 1938 г. Польша приняла участие, наряду с Германией, в разделе Чехословакии. В Варшаве

охотно поддерживали все антисоветские замыслы нацистов, не осознавая пагубность этой политики.

Советско-польские отношения все эти годы находились на низком уровне. В 1937–1938 гг. более полутора лет в Варшаве не было советского посла. Первый за весь межвоенный период советско-польский торговый договор был заключен только в феврале 1939 г. Когда в марте 1939 г. начались англо-франко-советские консультации относительно проведения конференции с участием Польши и Румынии в целях обеспечения европейской безопасности, польское правительство заняло отрицательную позицию. И это в то время, когда, по словам советского полпреда в Лондоне И.М. Майского, «немецкая печать ведет против Польши бешеную кампанию». 2 апреля 1939 г. польский посол в Москве заявил Литвинову, что Польша против «многосторонних комбинаций, направленных против Германии».

Даже когда угроза германской агрессии приняла самые реальные очертания, и Германия 28 апреля расторгла германо-польскую декларацию 1934 г., министр иностранных дел Польши Ю. Бек, встречаясь 10 мая в Варшаве с зам.наркома В. Потемкиным, отверг всякую возможность заключения с СССР пакта о взаимной помощи. 9 июня Бек дал указание послу в Лондоне заявить следующее: «Мы не можем согласиться на упоминание Польши в договоре, заключенном между западными державами и СССР», советскую помощь правительство Польши «считает недопустимой». Наконец, 20 августа Бек сообщал в Париж: «Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такие договоры заключать не намерено».

В начавшейся 1 сентября 1939 г. войне Германии с Польшей СССР объявил о своем нейтралитете. Советское правительство придерживалось его несмотря на настойчивые призывы германского руководства ввести советские войска на территорию, отнесенную по Секретному протоколу к сфере интересов СССР. Польша была быстро разгромлена, не получив никакой помощи от Англии и Франции, хотя они 3 сентября объявили войну Германии. Начиналась «странная война». Немецкие войска через терри-

торию Польши стремительно продвигались к советской границе. Чем все это могло закончиться, было не ясно.

17 сентября 1839 г. части Красной Армии вошли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, входивших тогда в состав Польского государства. Состояние войны не было объявлено ни советской, ни польской стороной. Не было советско-польской войны. Поэтому провокационный характер носит резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г. обвиняющая СССР/Россию в соучастии с Германией в войне против Польши.

Свою акцию Советское правительство мотивировало тем, что Польское правительство покинуло страну, спасаясь от наступающих немецких войск, и перебралось в Румынию, где было интернировано и прекратило выполнение своих функций. В этих условиях было необходимо защищать украинское и белорусское население. Этот аргумент вызвал крайнее раздражение в Берлине. Но через два часа после начала ввода советских войск продвижение германских дивизий было приостановлено, а 22 сентября начался их отвод за пределы демаркационной линии, намеченной по Секретному протоколу.

28 сентября 1933 г. был подписан новый советско-германский договор «О дружбе и границе», который завершал размежевание территориальных интересов двух стран в Восточной Европе. СССР получил Литву как часть своей сферы интересов, передав Германии польские земли восточнее Вислы. Таким образом Сталину удалось избежать появления «польского вопроса» в СССР. Вскоре, 10 октября, был подписан советско-литовский договор, по которому Литве возвращались Виленская область и г. Вильнюс, захваченные в свое время поляками.

Советско-германский договор от 28 сентября 1939 г., однако, уязвим для справедливой критики. Само название договора «О дружбе», а также наличие Секретного дополнительного протокола к этому договору, предусматривавшего сотрудничество двух стран в «подавлении польской агитации», явились серьезным просчетом советского руководства.

Однако в целом достигнутые договоренности с Германией дали СССР значительные политические и экономические выгоды. Со-

ветская дипломатия в сложных условиях лета-осени 1939 г. поставила своеобразный «рекорд высшего политического пилотажа». СССР смог выйти из дипломатической изоляции, куда его стремились загнать западные державы.

С подписанием договоров с Германией СССР получил следующие преимущества:

– с присоединением территорий Западной Украины и Западной Белоруссии государственная граница СССР была отодвинута на запад примерно на 300–350 км, что в общем с пониманием было встречено правительствами Англии и Франции. Черчилль, выступая по радио 1 октября 1939 г., говорил: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России»;

– подписав договор о ненападении с Германией, СССР получил почти два года мирной передышки, сохранив свой нейтральный статус и в целом нормальные отношения с Англией и Францией, а также мог использовать промышленный потенциал Германии;

– пойдя на соглашение с Германией, СССР фактически разрушил Антикоминтерновский пакт, поссорив Германию и Японию и сняв таким образом угрозу войны на два фронта.

В сентябре 1941 г. британский посол в Москве С. Криппс направил в Лондон конфиденциальный доклад, посвященный советской внешней политике накануне войны (советская разведка получила его агентурным путем), в котором, в частности, говорилось следующее: «...Непосредственной причиной подписания этого пакта (23 августа) являлось, как это заявляли советские лидеры, их желание остаться вне войны. Они считали возможным осуществить это, хотя бы на время, путем заключения соглашения с Германией.

...Эта политика не только дала Советскому Союзу возможность оставаться вне войны, но и позволила ему за счет соседних государств приобрести такие территории, которые считали ценными на случай нападения Германии и СССР...

...Советские руководители... никогда не рассматривали пакт как что-то большее, чем временное средство... Они постоянно считались с эвентуальной возможностью войны».

Такова оценка политики СССР в отношении Германии, которую дал видный политический деятель Англии. К этому можно добавить, что имелись и некоторые отдаленные последствия политических акций, предпринятых СССР в августе–сентябре 1939 г. Дело в том, что территориальные изменения, произведенные в Восточной Европе по советско-германским договорам, привели к воссоединению некогда разъединенных народов: белорусского, литовского, украинского. Поэтому после распада СССР становление независимых государств Белоруссии, Литвы, Украины прошло мирным бесконфликтным путем, что отличает этот регион от того, что имело место на Балканах, в Закавказье, в Центральной Азии.

Наконец, установленная по советско-германскому договору от 28 сентября 1939 г. государственная граница (с небольшими изменениями в пользу Польши, сделанными после войны) была и остается. Она признана международным сообществом и никем не оспаривается.

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что политика СССР в отношении нацистской Германии, приведшая к заключению договоров с ней в августе–сентябре 1939 г., несмотря на ряд ошибок и просчетов, в целом была правильной, соответствующей национально-государственным интересам страны.

Литература

- Безыменский Л.А.* Советско-германские договоры 1939 года // Новая и новейшая история. 1998. № 3.
- Гинцберг Л.И.* Советско-германский пакт: замысел и его реализация // Отечественная история. 1996. № 3.
- Наджафов Д.Г.* Советско-германский пакт 1939 г. и его исторические последствия // Вопросы истории. 2006. № 12.
- Парасаданова В.С.* Трагедия Польши в 1939 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 5.
- Соколов В.В.* Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова // Новая и новейшая история. 1997. № 1.
- СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941.* М., 2007.
- Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 гг. М., 2008.

Глава 8. ГЕРМАНИЯ И СССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1940 – июнь 1941 гг.)

После события августа-сентября 1939 г. отношения Германии и СССР развивались по двум направлениям. Первое – это торгово-экономические связи. Подписанное 19 августа соглашение предусматривало предоставление СССР кредита на 200 млн марок и согласие Германии выполнить советские заказы на промышленное оборудование и военную технику.

В октябре-ноябре 1939 г. в Германии работала советская закупочная делегация во главе с наркомом И.Ф. Тевосяном. В Москве хотели извлечь максимальные выгоды из достигнутого соглашения, прежде всего в получении новейших образцов техники и вооружений. Переговоры шли долго и трудно. В Берлине считали, что договоры 23 августа и 28 сентября были более выгодны СССР и поэтому он должен идти на уступки в экономической сфере. Не раз переговорщики апеллировали к Молотову и Риббентропу, а в отдельных случаях – к Сталину и Гитлеру. Немцы были потрясены, когда оказалось, что советские заказы исчисляются суммой почти в 1,5 млрд марок и включают почти все современное оборудование и предметы вооружения, в т.ч. находящиеся в стадии разработки. Немцы даже сравнивали действия советских представителей с действиями победителей Германии после первой мировой войны.

Германия, со своей стороны, намеревалась получать из СССР больше нефти, зерна, руды цветных металлов. Но советская сторона, стремясь сохранить свой нейтральный статус в идущей войне, полагала необходимым сохранить поставки в Германию на уровне прошлых лет.

В конце декабря 1939 г. – начале января 1940 г. в Москве и Берлине на высшем уровне обсуждался ход экономических переговоров. Сталин заявил послу Шуленбургу: «Сколько Германия даст, столько и получит». Решив не обострять ситуацию, ибо ре-

шающие бои на Западе были ещё впереди, Гитлер дал согласие на поставку военной техники СССР.

Итак, после трудных четырехмесячных переговоров 11 февраля 1940 г. был подписан Хозяйственный договор между СССР и Германией. Он предусматривал взаимные поставки сырья и промышленных товаров. Из Германии в СССР, помимо военной техники, должны были поступать промышленное оборудование, полуфабрикаты, сортовой уголь. СССР обязался поставлять в Германию нефть, зерно, лес, руды цветных металлов, платину.

Кроме того, был подписан также конфиденциальный протокол о советских закупках цветных металлов и других товаров в третьих странах и ре-экспорте в Германию этих металлов и товаров.

В связи с большим международным резонансом, которое сопровождало подписание Хозяйственного договора, Молотов 21 февраля 1940 г. направил телеграмму полпреду Майскому в Лондон по поводу характера советско-германских отношений. Её содержание следовало довести до сведения британского правительства. В телеграмме говорилось: «Первое. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждения, но даже просто предположения, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией. Второе. Хозяйственный договор с Германией есть лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн марок, причем договор этот экономически выгоден СССР, так как СССР получает из Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Третье. Как был СССР нейтральным, так он и остается нейтральным».

За первые полгода действия хозяйственного договора СССР получил образцы новой военной техники: 1–2 экземпляра самолетов «Хе-100», «Мессершмит-109», «Мессершмит-110», «Юнкерс 88», «Дорнье-215» с полным комплектом оборудования и вооружения, а также полевые гаубицы (калибр 211 мм), зенитные орудия, средний танк Т-Ш, недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов» и др.

Но в целом товарооборот между двумя странами рос медленно и неровно. Германия, ссылаясь на необходимость изготовления заказанной продукции, отставала в своих поставках, что влекло за собой приостановку поставок из СССР. Все это сопровождалось нервной дипломатической перепиской. В ноябре 1940 г. Молотов говорил Гитлеру: «В Москве весьма недовольны задержкой с поставками важного германского оборудования для СССР».

10 января 1941 г. было подписано еще одно соглашение о товарных поставках до августа 1942 г. Таким образом, экономические отношения СССР с нацистской Германией регулировались тремя соглашениями (19 августа 1939 г., 11 февраля 1940 г., 10 января 1941 г.), расширявшим и дополнявшим друг друга. Переговоры по каждому соглашению проходили в жестких спорах и нервной обстановке.

Весной 1941 г., накануне нападения на СССР, в Германии имитировали бурную деятельность в развитии экономических связей с СССР.

Крупные фирмы приглашали советских представителей посетить производственные предприятия и ознакомиться с их продукцией. На момент начала войны в Германии находилось 778 советских приемщиков и работников торгпредства. Генерал Томас в докладе Гитлеру так объяснял эту ситуацию: «Фирмы получили указание дать возможность русской приемной комиссии своевременно принять технику, но затем путем транспортных проволочек добиться того, чтобы поставки не состоялись до начала германского нападения на СССР».

В то же время весной 1941 г. советские поставки в Германию шли в полном соответствии с назначенным графиком. Британский посол в Москве С. Криппс называл это «экономическим умиротворением» Германии, дабы продемонстрировать лояльность советской стороны.

По германским данным, в 1939–1941 гг. СССР поставил в Германию 2,2 млн тонн зерна (ячмень и овес), 1 млн тонн нефти, 100 тыс. тонн хлопка, а также никель, марганец, медь.

Трудно дать однозначную оценку советско-германским экономическим отношениям. В 1939–1941 гг. СССР предоставил Германии товаров и транспортных услуг (транзит) на 741 млн марок. Германия поставила СССР товаров на 507 млн марок. При этом нужно иметь в виду долг СССР по прежним кредитам в сумме 150 млн марок. Итого, дисбаланс в пользу Германии на 22 июня 1941 г. составил 84 млн марок. Но при этом нужно иметь в виду, что станки и промышленное оборудование, поставленные из Германии, работали долгие годы, а сырье, полученные из СССР, было быстро потреблено в Германии.

Утверждения некоторых авторов о том, что поставки из СССР сыграли решающую роль в военной экономике Германии, явно преувеличены. Так, поставки зерна и нефти из Румынии значительно превосходили соответствующие поставки из СССР. Запасы нефти в Германии к середине 1941 г. составили около 10 млн тонн, из них СССР поставил один млн тонн, а Румыния – 8,7 млн тонн. В целом в эти предвоенные месяцы Советский Союз занимал в импорте Германии 5-е место.

Если торгово-экономические отношения двух стран развивались более или менее стабильно, то политические отношения после октября 1939 г. имели постоянную тенденцию к ухудшению. Такая ситуация требовала нахождения в Берлине авторитетного опытного дипломата. Однако после отзыва Г.А. Астахова, полпредом в Германии с сентября 1933 г. по ноябрь 1940 г. становится А.А. Шкварцев, случайный и совершенно некомпетентный человек. Он не знал немецкого языка. Более того, как вспоминал 1-й секретарь полпредства В. Павлов: «Вскоре обнаружилось, что Шкварцев не умеет формулировать свои мысли на бумаге... Хуже было то, что он не имел ни малейшего представления о том, как следует вести свой разговор с иностранцами. Порой он говорил им всякие глупости». В этих обстоятельствах полпредство в Берлине оказалось как бы отодвинутым на второй план, а дипломатические сношения двух стран велись в основном через Шуленбурга, который часто виделся с Молотовым, которого принимали Сталин и Микоян.

В конце 1939 – первой половине 1940 гг. СССР, используя достигнутые договоренности с Германией, закрепил свое влияние в Восточной Европе. В итоге «зимней войны» с Финляндией удалось отодвинуть границу от Ленинграда. Затем последовало включение в состав СССР стран Балтии, а также Бессарабии и Северной Буковины. Территориальные пределы страны были отодвинуты далеко на запад. Одновременно в СССР принимались активные меры по развитию промышленности и военного потенциала.

К началу 40-х гг. в стране были заложены основы военной экономики. Были построены тысячи промышленных предприятий, резко возросла добыча угля и нефти, выплавка стали и цветных металлов. Промышленность СССР выпускала в год 4 тыс. танков, 5 тыс. самолетов, 6 тыс. орудий. На вооружение Красной Армии стали поступать новые образцы военной техники: танки Т-34 и КВ, самолеты – Ил-2, МИГ-3, ЛаГГ-3, Як-1. Было создано 42 новых военных училища, были пересмотрены дела 11 тыс. репрессированных командиров, которых вернули в строй. Общая численность вооруженных сил СССР к июню 1941 г. составила около 5 млн человек (численность вермахта – 7,1 млн человек).

Продолжавшаяся более полугодом «странная война» дала возможность Германии после разгрома Польши подготовиться и нанести удар на Западе. В апреле 1940 г. почти без борьбы были захвачены Дания и Норвегия. В мае был нанесен удар по Голландии, Бельгии и Франции. 22 июня 1940 г. Франция признала свое поражение и подписала перемирие с Германией. Политическая и военная ситуация в Европе коренным образом изменилась. Рухнули расчеты советского руководства на длительное противостояние Франции и Германии. По воспоминаниям Н.С. Хрущева, Сталин «как-то опустил руки после разгрома Гитлером французских войск и оккупации Франции». Советская дипломатия потеряла возможность играть на противостоянии двух блоков. СССР оставался один на один с нацистской Германией.

В Москве еще не знали, что 22 июня 1940 г. Гитлер дал указание генштабу начать разработку плана войны против СССР. 31 июля на встрече с генералами он заявил: «Россия должна быть

ликвидирована. Срок – весна 1941 г., продолжительность операции – пять месяцев». Но изменения в политике Германии в Москве ясно почувствовали.

Это выразалось в усилении разногласий и стычек по экономическим вопросам, что вызывало беспокойство советской стороны, а также – в явном интересе Германии к Балканам, Средиземноморью и Юго-Восточной Европе. Германия даже формально перестала считаться с мнением СССР по проблемам, касающимся этих регионов.

30 августа 1940 г. Германия и Италия приняли решение передать Венгрии Северную Трансильванию и гарантировать новых границ Румынии. Об этом в Москве узнали из сообщений зарубежного радио. В этой связи Молотов заявил протест по поводу нарушения статьи 3 советско-германского договора от 23 августа 1939 г. Затем и 22 сентября 1940 г. были подписаны секретные финско-германские соглашения о транзите германских войск через территорию Финляндии в Северную Норвегию. Это превращало Финляндию в военную базу Германии. Снова последовали протесты советской стороны.

Наконец, 27 сентября 1940 г. в Берлине был подписан Германией, Италией и Японией Тройственный пакт, по условиям которого эти державы определяли свои сферы влияния. Статья 1 Тройственного пакта гласила: «Япония признает и уважает руководящую роль Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе», статья 2 – «Германия и Италия признают и уважают руководящую роль Японии в установлении нового порядка в Великом Азиатском пространстве», статья 3 гласила, что эти державы будут помогать друг к другу «всеми политическими, экономическими и военными средствами». В статье 5 Тройственного пакта говорилось, что державы «заявляют, что данное соглашение не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждой из трех договаривающихся сторон и Советской Россией».

СССР заявляет протест в связи с нарушением Германией статей 3 и 4 договора 23 августа 1939 г., но в целом реакция Москвы на

заклучение Тройственного пакта достаточно осторожной. Советские лидеры понимали, что в мире складывается совершенно новая ситуация. Тем более, что в последующие месяцы к Тройственному пакту присоединились Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария.

Проиграв воздушную «битву за Англию», убедившись в невозможности десантной операции на Британские острова, Гитлер активизирует подготовку войны против СССР. Дабы усыпить бдительность советского руководства, немцы в начале октября 1940 г. делают ряд успокоительных жестов в адрес Москвы. Так, в письме, направленном Риббентропом 13 октября на имя Сталина, содержалось приглашение Молотову посетить Берлин с официальным визитом для обсуждения возникших проблем. Приглашение было принято.

Переговоры Молотова, которого сопровождала делегация из 65 человек, с Гитлером и Риббентропом состоялись 12–14 ноября 1940 г. Молотов был первым и единственным лидером, который встречался лично с Гитлером. Любопытны впечатления друг о друге, сложившиеся в ходе личных контактов.

На склоне лет Молотов вспоминал: «Гитлер... внешне ничего особенного не было, что бросалось бы в глаза... Но очень самодовольный, можно сказать, самовлюбленный человек. Конечно, не такой, каким его изображают в книгах и фильмах. Там... показывают его сумасшедшим, маньяком, а это не так. Он был очень умён, но ограничен и туп в силу самовлюбленности и нелепости своей изначальной идеи. Однако со мной Гитлер был очень корректен».

Переводчик В. Павлов, со своей стороны, отмечал: «Гитлер всегда говорил самостоятельно, без подсказки. Речь его была плавной, логичной. Видно было, что человек он способный».

Впечатления германской стороны о Молотове отражены в дневнике Геббельса, который записывал: «Утром завтрак у фюрера в честь Молотова. В узком кругу Молотов производит впечатление умного с твердым характером человека, но слишком застег-

нутого на все пуговицы... Из него ничего не вытянешь. Слушает внимательно, но не более того».

Переводчик П. Шмидт писал: «Этот русский небольшого роста, с живыми глазами за стеклами старомодного пенсне, постоянно напоминал мне учителя математики. Сходство проявлялось не только в его внешности: Молотов отличался определенной логикой в манере говорить и предъявлять аргументы».

Стороны придавали разное значение предстоящим переговорам. Для Гитлера, уже принявшего решение о нападении на СССР, это был отвлекающий маневр: необходимо было продемонстрировать наличие «доверительных» отношений с СССР и постараться привлечь СССР к будущему «дележу» наследства Британской империи. Поскольку судьба СССР по мнению нацистов, была предопределена, то речь практически шла о том, чтобы поссорить СССР с Англией и сделать невозможным их сближение на антигерманской основе. Дабы у генералов не возникало каких-либо сомнений, Гитлер дал указание: «Невзирая на исход переговоров, все приготовления по Востоку, о которых уже даны устные распоряжения, должны продолжаться».

Советская сторона отнеслась к переговорам самым серьезным образом. Молотова сопровождала большая группа советников и экспертов. Был определен перечень проблем, подлежащих обсуждению на двустороннем уровне. В архиве сохранился документ, написанный рукой Молотова. Предполагается, что его текст продиктован Сталиным в качестве директив для переговоров в Берлине.

Начинается этот документ с определения цели поездки. «Разузнать действительные намерения Германии и всех участников Пакта 3-х... в осуществлении плана создания “Новой Европы” и “Великого Восточно-Азиатского пространства”». Далее формулировались требования, которые СССР намеревался выдвинуть перед Германией: «... в переговорах добиваться, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены:

а) Финляндия – на основе с/советско-/г/ерманского/ соглашения 1939 г.

- б) Дунай, в части морского Дуная...
- в) Болгария – главный вопрос переговоров – должна быть... отнесена к сфере интересов СССР...
- г) Вопрос о Турции не может решаться без участия СССР...
- д) Вопрос о дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии, как граничащих с СССР, нас очень интересует...
- е) Вопрос об Иране не может решаться без участия СССР...
- ж) В отношении Греции и Югославии мы хотели бы знать, что думает Ось предпринять».

затем формулировался ещё ряд проблем, касающихся Дальнего Востока, отношений США и Англии и др., которые в ходе переговоров не затрагивались.

Молотов имел две беседы с Гитлером, он вел переговоры с Риббентропом. Большая советская делегация к переговорам не привлекалась.

Гитлер и Риббентроп рассуждали о судьбах Британской империи, о необходимости раздела её территории. По их мнению, СССР должен искать себе выход к Индийскому океану. Молотов же ставил конкретные вопросы, связанные с европейскими странами. Половину времени первой беседы с Гитлером была отведена финскому вопросу. Молотов настаивал, что Финляндия относится к сфере советских интересов, и Германия не имеет права вводить туда свои войска. В соответствии с «инструкциями» Молотов ставил вопросы о проникновении Германии в Болгарию, Румынию. Обстановка постепенно накалялась. Переводчик П. Шмидт свидетельствовал: «Со времени Судетского кризиса и переговоров с Чемберленом я не присутствовал при таком остром обмене мнениями, как там, что состоялся во время разговора между Гитлером и Молотовым... Удар за ударом следовали вопросы и ответы. Тон не был вспыльчивым, но дебаты велись с обеих сторон с резким ожесточением».

После первой встречи с Молотовым Гитлер был настолько взбешен, что не явился на прием в честь Молотова и не присутствовал на ужине в советском посольстве.

В ходе переговоров Риббентроп высказал, по его словам, «сырые мысли» о возможном присоединении СССР к Тройственному пакту. Высказывания министра носили общий и неопределенный характер и никакого письменного проекта советской стороне не было передано. Но в Москве почему-то всерьез восприняли эти рассуждения Риббентропа. 25 ноября 1940 г. Шуленбургу был вручен ответ на предложения Риббентропа, где говорилось о «возможности» сотрудничества СССР с Германией и другими участниками Тройственного пакта при условии и далее перечислялось все то, что обсуждалось в Берлине (Финляндия, Болгария, черноморские проливы и др.). Ответа на эту ноту из Берлина не последовало, несколько позже Риббентроп говорил министру иностранных дел Японии Мацуоке: «О принятии России в члены пакта и думать нечего». В то же время немцы довели содержание советской ноты до сведения правительств Англии и Турции. Весь этот эпизод следует рассматривать, очевидно, как безусловный просчет советской дипломатии.

В целом визит Молотова в Берлин не имел каких-либо позитивных последствий для советско-германских отношений. Молотов сообщал Сталину: «Обе беседы (с Гитлером) не дали желаемых результатов... Похвастаться нечем, но по крайней мере выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться».

18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил «план Барбаросса». Подготовка к войне с СССР вступила в решающую фазу. Пренебрежение германского руководства к СССР проявляется даже в деталях дипломатического протокола. Так, прибывший в Берлин 20 ноября новый полпред Деканозов смог вручить верительные грамоты Гитлеру лишь 19 декабря, что вызвало раздраженные замечания Молотова. Хотя по второстепенным проблемам сторонам еще удавалось договориться. 10 января 1941 г., помимо упомянутого экономического соглашения, были подписаны договор об уточнении границы в районе Балтийского моря («кусочек» литовской территории за 7,5 млн долларов передавался СССР) и соглашение о денежной компенсации немцам, выезжающим из балтийских республик.

Но возможности советской стороны для дипломатического маневра все более сужаются. Неудачей завершились попытки сохранить советское влияние на Балканах. 4 марта 1941 г. правительство Болгарии официально уведомило правительство СССР, что оно дало согласие на ввод германских войск на свою территорию. Присоединение Югославии к Тройственному пакту вызвало в стране огромное возмущение, и в конце марта там произошел государственный переворот. Было свергнуто прогерманское правительство. СССР поспешил подписать 5 апреля 1941 г. с новыми властями Югославии договор о дружбе и ненападении, вызвавший резко негативную реакцию Берлина. Вторжение германских войск в Югославию и последующая оккупация этой страны, а также Греции, привели к полному контролю Германии и Италии над всем Балканским полуостровом.

Москва пыталась демонстрировать лояльность по отношению к Германии, стремясь максимально оттянуть грядущую войну. 5 мая 1941 г. начальник генштаба Германии Ф. Гальдер после доклада военного атташе в Москве записывал в своем дневнике: «Россия сделает все возможное, чтобы избежать войны. Можно ожидать любых уступок, кроме отказа от территориальных притязаний». 8 мая 1941 г. ТАСС «опроверг» сообщения о концентрации германских войск у границ СССР. 9 мая – правительство СССР отказало в сохранении в Москве дипломатических представительств Бельгии, Норвегии, Югославии. 12 мая – признано прогерманское правительство Рашида Али в Ираке.

Сталин успокаивал себя и своих соратников надеждами на разумность Гитлера. Он говорил Г.К. Жукову: «У Гитлера не хватит сил, чтобы воевать на два фронта, а на авантюры он не пойдет». Москва наполнилась потоками информации и дезинформации о начале войны. Геббельс записывал в дневнике: «Маскировка в отношении России достигла кульминации. Мы наполнили мир потоками слухов так, что самому трудно разобраться. Наш новейший трюк: мы намечаем большую мирную конференцию с участием России».

Были проигнорированы и сообщения, поступившие от послов Шуленбурга и Деканозова. 5 мая Шуленбург, отчаявшись убедить Гитлера в миролюбии СССР, по собственной инициативе встретился тогда в Москве с Деканозовым и, выходя за рамки своих полномочий, попытался убедить своего визави в необходимости принятия срочных мер, чтобы избежать худшего развития событий. Доложенная Деканозовым информация была расценена в Кремле как провокация. В свою очередь, Деканозов 4 июня прислал из Берлина большую аналитическую записку об отношениях Германии и СССР, которая завершалась выводом: «немцы по-прежнему продолжают идеологическую (и фактическую) подготовку для войны против СССР». Тревожная информация поступала в Москву от военного атташе генерала Тупикова.

Но 14 июня 1941 г. было опубликовано печально знаменитое Заявление ТАСС, в котором отрицалось намерение Германии напасть на СССР. ТАСС заявлял, что «по данным СССР Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз; ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...».

Существует версия, что этому Заявлению ТАСС предшествовало получение Сталиным личного письма Гитлера, в котором он просил советского лидера не поддаваться на возможные провокации и заверял, что Германия не собирается нападать на СССР¹.

---

¹ В 1965 г. маршал Жуков в беседе с К. Симоновым, а затем в 1986 г. в разговоре с писательницей Е. Ржевской и журналистом Л. Безыменским говорил, что в начале июня 1941 г. Сталин показывал ему письмо Гитлера, в котором он отвергал намерение Германии напасть на СССР и давал объяснение концентрации германских войск у границ СССР. Письмо это якобы было доставлено в Москву специальным самолетом без предупреждения советских средств ПВО.

Подлинник письма не найден. По указанию Гитлера его личный архив был уничтожен в апреле 1945 г. Российский историк А.И. Уткин нашел копию письма в архиве г. Александрия (штат Вирджиния), где хранились германские военные архивы, и опубликовал его в «Российской газете» в июне 2008 г. (затем этот документ был перепечатан в журнале «Обозреватель» № 6 за 2011 г.).

Но 22 июня 1941 г. вторжением немецких войск закончился мирный период в отношениях Германии и СССР. Началась Великая Отечественная война.

Литература

- Безыменский Л.А.* Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 6.
- Вишнев О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. М., 2001.
- Иваницкий Г.М.* Советско-германские торгово-экономические отношения в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 6.
- Лавров В.С.* Что скрывалось за приглашением В.М. Молотова в Берлин и полетом Р. Гесса в Англию // Новая и новейшая история. 2005. № 1.
- Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941 гг. М., 2000.
- Соколов В.В.* Германский посол в Москве в 1934–1941 гг. Ф. Шуленбург – противник войны с СССР // Новая и новейшая история. 2010. № 2.
- Фольксманн Х.-Э.* Советский Союз в экономических расчетах «третьего рейха». 1933–1941 // Отечественная история. 1997. № 2.
- Хавкин Б.Л.* Граф Шуленбург // Родина. 2011. № 1.
- Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2006.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимоотношения Германии и России/СССР на протяжении XX века носили сложный и драматический характер. В Первой и Второй мировых войнах Германия воевала против нашей страны, была разбита и оказывалась на краю национальной катастрофы.

Выступая 1 мая 1926 г. по радио, Г. Штреземан говорил: в 1914 году мы, немцы, нарушили заветы Бисмарка, и это дорого нам обошлось. Соответствующие уроки не были извлечены и в последующие годы. Хотя в межвоенный период все германские послы в Москве (Брокдорф-Ранцау, Дирксен, Надольный, Шуленбург) принадлежали к «школе Бисмарка» и прилагали усилия для сохранения мирных отношений между двумя странами. Они искренне стремились, несмотря на негативное отношение к многим внутренним аспектам жизни в СССР, сохранить и развивать хорошие отношения Германии с Советским Союзом. Особенно трагична в этой связи фигура Шуленбурга, оказавшегося в конце своей жизни в лагере заговорщиков против Гитлера. Но это был субъективный фактор, который не мог изменить объективного развития отношений между Германией и СССР.

В межвоенный период эти две страны разделяли не только традиционные геополитические противоречия, но и вновь возникшие идеологические противоречия и различия социально-политического устройства. Для кайзеровской Германии и нацистского режима Россия – это территория для экспансии и колонизации. Это не скрывалось и открыто декларировалось. Руководители Веймарской республики этого открыто не говорили, но это не знаило, что правящая элита Германии отказалась от подобных идей.

1918–1941 гг. – период наиболее «интенсивных» отношений между Германией и СССР. Рассматривая ретроспективно эти отношения, можно констатировать, что обе державы исходили из разных приоритетов, преследовали разные цели. Важно отметить, что для Германии отношения о СССР в эти годы сами по себе не

имели первостепенного значения, может быть, за исключением кратких периодов. Для Германии до конца 30-х гг. главным во внешней политике было «преодоление Версаля», возвращение статуса независимой великой державы. Все было подчинено достижению этой цели. Отношения с СССР являлись средством давления на западные страны. Как справедливо отмечают многие авторы, на двусторонних советско-германских переговорах обычно незримо присутствовала третья сторона, а именно – Запад, для Веймарской Германии средством давления на победителей была угроза сближения с СССР. Нацисты, наоборот, представляли Германию как главного борца с коммунистической Россией. В любом случае в Германии всегда подчеркивали свою принадлежность к Западу. После Второй мировой войны К. Аденауэр говорил: «У нас никакого сомнения, что мы по своему происхождению, по нашим убеждениям принадлежим к западноевропейскому миру».

Что касается экономических связей с СССР, то они, за исключением короткого периода 1929–1931 гг., не играли для Германии особенно существенной роли. Несмотря на пропагандистскую шумиху в прессе обеих стран, доля СССР во внешнеторговом обороте Германии была, как правило, достаточно скромной.

Для СССР отношения с Германией имели более существенное значение прежде всего, по экономическим причинам. Еще накануне Первой мировой войны на долю Германии приходилось около 50% всего внешнеторгового оборота царской России. И Германия была основным поставщиком машин и промышленного оборудования.

После революции для СССР, вставшего на путь индустриализации, крайне необходимо было сохранить экономические связи с Германией. Она, как и прежде, оставалась главным поставщиком промышленного оборудования для строившихся в СССР фабрик и заводов. За весь межвоенный период СССР получил в Германии займов и кредитов на сумму 1300 млн марок, которые пошли на закупку промышленных товаров и вооружения. Роль других индустриальных стран Запада в этом отношении была значительно меньшей.

В сфере политических отношений с Германией для Советского государства важно было выйти из дипломатической изоляции,

разрушить «санитарный кордон», созданный империалистическими державами. Наиболее подходящим партнером в этом могла быть и стала Германия, которая была в начале 20-х гг. «государством-изгоем», униженная Версальским договором. Рапалльская политика – «брак по расчету» – оказалась выгодной для обеих сторон. В дальнейшем СССР стремился использовать в своей европейской политике противоречия между Германией и Францией. Ухудшение отношений с Германией влекло за собой сближение СССР с Францией. Лавируя таким образом, советская дипломатия намеревалась сохранить необходимый баланс в отношениях с этими странами. После прихода к власти нацистов СССР стремится, опираясь на Францию, создать систему коллективной безопасности в Европе. Отказ Франции и Англии поддержать этот курс советской внешней политики, привел к подписанию советско-германского пакта о ненападении.

Таким образом, несовпадение основных внешнеполитических приоритетов вело к тому, как пишет современный германский автор, что «все ожидания германо-российского объединения почти всегда заканчивались разочарованием». Но Россия и Германия обречены на сосуществование на европейском континенте. От характера их отношений зависит многое в Европе и в мире в целом. Но эти отношения должны основываться на трезвом учете взаимных интересов.

Немецкий народ извлек уроки из опыта Второй мировой войны. ФРГ отказалась от производства и обладания ядерным и химическим оружием, демонстрирует свою приверженность мирной внешней политике. Но ФРГ входит в НАТО, она глубоко интегрирована в структуры Евро-Атлантики, а Россия – нет.

Известный советский дипломат-германист В.С. Семенов (Сталин после войны говорил: в германских делах я доверяю только В. Пику и В. Семенову), будучи послом в ФРГ, поучая своих молодых коллег, говорил, как свидетельствует Ю. Квицинский: «История сложная штука... Развивай пока с ними дружбу и сотрудничество – чем больше, тем лучше. Когда у нас с ними было хорошо, было хорошо всей Европе. Но ещё раз говорю: не забывай, с кем имеешь дело!»).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Почему Советская Россия пошла на подписание сепаратного мирного договора с Германией и ее союзниками?
2. Брестский мир: победа или поражение Советской России?
3. Характер взаимоотношений Германии и РСФСР в период Брестского мира?
4. Почему Советская Россия пошла на заключение Добавочных соглашений в августе 1918 г.
5. Проблема военнопленных в советско-германских отношениях в 1919–1921 гг.
6. Договор 6 мая 1921 г.: его содержание и значение?
7. С какими целями была созвана Генуэзская конференция?
8. Рапалльский договор: его содержание и международные последствия.
9. Политика СССР в связи с Рурским репарационным кризисом 1923 г.
10. «План Дауэса» и его последствия.
11. Позиция СССР в отношении Локарнской конференции.
12. Позиция СССР по вопросу вступления Германий в Лигу Наций.
13. Причины заключения Договора о ненападении и нейтралитете СССР и Германии в 1926 г.
14. Влияние мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. на германо-советские отношения.
15. Конец Рапалло: в чем причина?
16. Внешнеполитическая идеология нацизма.
17. Когда и почему СССР переходит на позиции защитника Версальского миропорядка?
18. Причины франко-советского сближения в начале 30-х гг.?
19. Сущность политики умиротворения.
20. Причины провала тройственных переговоров весной-летом 1939 г.
21. Советско-германские отношения весной-летом 1939 г.
22. Каковы основные положения советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. и «Секретного протокола» к нему?
23. Позиция СССР в связи с нападением Германии на Польшу.
24. Советско-германский договор «О дружбе и границе» 28 сентября 1939 г., его содержание и последствия.

25. Экономические отношения Германии и СССР в 1940–1941 гг.: кто оказался в выигрыше?

26. Визит В.М. Молотова в Берлин (ноябрь 1940 г.): цели сторон.

27. Как СССР пытался сохранить свое влияние на Балканах в 1940–1941 гг.?

28. В чем выразалось «экономическое умиротворение» Германии Советским Союзом весной 1941 г.?

29. Почему нападение Германии оказалось внезапным для советского руководства?

30. Каковы были цели нацистов в войне против СССР?

ТЕМАТИКА ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ

1. Посол Германии В. Мирбах в Москве (апрель-июнь 1918 г.).
2. А.А. Иоффе – политик и дипломат.
3. Проблема военнопленных в германо-советских отношениях (1319–1921 гг.).
4. Подготовка в РСФСР к Генуэзской конференции.
5. Н.Н. Крестинский и советско-германские отношения (1921–1937 гг.).
6. Торгово-экономические связи СССР и Германии в годы Первой пятилетки (1929–1932).
7. Посол Германии в Москве У. Брокдорфг-Ранцау (1922–1928 гг.).
8. Культурные и научные связи Германии и СССР в 20-е гг. XX в.
9. Конференция в Локарно и позиция СССР (1926–1926 гг.).
10. Г.В. Чичерин и политика СССР в отношении Германии (1918–1930 гг.).
11. Ф. Шуленбург – посол Германии в Москве (1934–1941 гг.).
12. Сравнительный анализ советской и германской записей переговоров В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.

ТЕМАТИКА РЕКОМЕНДУЕМЫХ МАГИСТРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ

1. Рапалло в современной германской историографии.
2. Польша в германо-советских отношениях (20–30-е гг.).
3. Г. Штреземан и политика Германии в отношении СССР (1924–1929 гг.).
4. Балканы между Гитлером и Сталиным (1940–1941 гг.).
5. Внешняя политика Германии в 30-е гг.: взгляд из Лондона (по книге: Майский М.М. Дневник дипломата. М., 2006. Т. 1).

ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

1917 г.

26 октября (8 ноября) – Декрет о мире.

9 (22) декабря – начало переговоров о мире в Брест-Литовске.

1918 г.

3 марта – подписание Брест-Литовского мирного договора.

20 апреля – полпред А.А. Иоффе вручил в Берлине верительные грамоты.

24 апреля – посол В. Мирбах вручил в Москве верительные грамоты.

6 июля – убийство Мирбаха.

27 августа – подписание в Берлине Добавочного договора.

5 ноября – разрыв Германией дипломатических отношений с РСФСР.

9 ноября – революция в Германии.

11 ноября – подписание Германией Компьенского перемирия.

13 ноября – ВЦИК аннулирует Брестский и Добавочный договоры.

26 ноября – правительство РСФСР признало правительство Германской республики.

1919 г.

28 июня – Германия подписала Версальский мирный договор.

Октябрь – соглашение Германии и РСФСР об обмене уполномоченными по делам военнопленных.

1920 г.

20 февраля – В. Копп признан официальным уполномоченным советского правительства по делам военнопленных.

19 апреля – Соглашение об отправке на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц.

7 июня – Дополнительное соглашение об отправке на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц; в Москве и Берлине созданы миссии по делам военнопленных.

1921 г.

8 февраля – Протокол о создании торговых представительств в Москве и Берлине.

6 мая – в Берлине подписано Временное соглашение Германии и РСФСР. Признание РСФСР де-факто.

21 октября – Н.Н. Крестинский назначен дипломатическим представителем в Германии.

1922 г.

16 апреля – подписание Рапалльского договора.

2 августа – полпред Н.Н. Крестинский вручил в Берлине верительные грамоты.

5 ноября – подписано соглашение о распространении действия Рапалльского договора на советские республики; посол У. Брокдорф-Ранцау вручил в Москве верительные грамоты.

1923 г.

11 января – оккупация Рура франко-бельгийскими войсками.

1924 г.

5 мая – налет полиции на здание советского торгпредства.

29 августа – Германия приняла «план Дауэrsa».

1925 г.

12 октября – подписание в Москве торгового договора СССР и Германии.

1 декабря – подписание Локарнских соглашений.

1926 г.

24 апреля – Договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией.

8 сентября – вступление Германии в Лигу Наций.

1929 г.

8 января – посол Г. Дирксен вручил в Москве верительные грамоты.

25 января – подписание Конвенции по согласительной процедуре между СССР и Германией.

1930 г.

20 января – принятие «плана Юнга».

26 сентября – полпред Л. Хинчук вручил в Берлине верительные грамоты.

1933 г.

30 января – Гитлер становится рейхсканцлером Германии.

4 апреля – ратификация рейхстагом Протокола 1931 г. о продлении действия Договора о ненападении и нейтралитете 1926 г.

Октябрь – посол Р. Надольный вручил в Москве верительные грамоты.

19 октября – выход Германии из Лиги Наций.

1934 г.

26 января – заключение германо-польской декларации о ненападении.

10 июня – полпред Я.З. Суриц вручил в Берлине верительные грамоты.

16 июня – посол Ф. Шуленбург вручил в Москве верительные грамоты.

18 сентября – вступление СССР в Лигу Наций.

1935 г.

16 марта – введение в Германии всеобщей воинской повинности.

2 мая – Договор о взаимопомощи между СССР и Францией.

18 июня – англо-германское морское соглашение.

1936 г.

7 марта – разрыв Германией Локарнских соглашений и оккупация Рейнской демилитаризованной зоны.

25 ноября – подписание Германией и Японией Антикоминтерновского пакта.

1937 г.

30 января – отказ Германии от соблюдения Версальского мирного договора.

7 апреля – полпред К.К. Юренев вручил в Берлине верительные грамоты.

1938 г.

12 марта – аншлюс Австрии Германией.

5 июня – полпред А.Ф. Мерекалов вручил в Берлине верительные грамоты.

29–30 сентября – Мюнхенская конференция. Захват Германией Судетской области.

30 сентября – англо-германская декларация.

6 декабря – франко-германская декларация.

1939 г.

15 марта – аннексия Германией Чехии.

23 марта – захват Германией Мемельской области Литвы.

11 апреля – Гитлер утвердил план нападения на Польшу («план Вайс»).

17 апреля – предложение СССР о заключении англо-франко-советского договора о взаимной помощи.

28 апреля – разрыв Германией морского соглашения с Англией 1935 г. и германо-польской декларации о ненападении (1934 г.).

12–21 августа – переговоры военных миссий Англии, Франции и СССР.

19 августа – подписание кредитного соглашения СССР и Германии.

23 августа – заключения Договора о ненападении СССР и Германии.

1 сентября – вторжение Германии в Польшу.

3 сентября – Англия и Франция объявили войну Германии.

17 сентября Красная армия вступила на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.

28 сентября – Договор о дружбе и границе между СССР и Германией.
3 сентября – полпред А.А. Шкварцев вручил в Берлине верительные грамоты.

1940 г.

11 января – подписание Хозяйственного договора СССР и Германии.
9 апреля – вторжение Германии в Данию и Норвегию.
10 мая – вторжение вермахта во Францию, Бельгию, Голландию.
22 июня – подписание перемирия между Германией и Францией.
27 сентября – подписание «Тройственного пакта» Германии, Японии, Италии.
12–14 ноября – визит В.М. Молотова в Берлин.
18 декабря – Гитлер подписал «План Барбаросса», план нападения на СССР.
19 декабря – полпред В.Г. Деканозов вручил в Берлине верительные грамоты.

1941 г.

10 января – подписание экономического соглашения Германии и СССР и соглашения об уточнении границы Литовской ССР.
5 апреля – договор СССР и Югославии о дружбе и ненападении.
6 апреля – вторжение Германии в Югославию и Грецию.
6 мая – И.В. Сталин стал председателем Совнаркома.
10 мая – полет Р. Гесса в Англию.
14 мая – письмо Гитлера Сталину.
22 июня – вторжение Германии в СССР. Началась Великая Отечественная война.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Документы

- Москва – Берлин. Политика и дипломатия Кремля. 1920–1941 : сборник документов : в 3 т. М., 2011.
- Документы* внешней политики СССР. Т. 1–21 (1917–1938). М., 1957–1977.
- Документы* внешней политики СССР. Т. 22. М., 1992; Т. 23. М., 1998.
- Документы* международных отношений (1917–1945) / сост. А. Ахтамзян. М., 1999.
- Директивы* И.В. Сталина перед поездкой В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1995. № 4.
- Внешняя торговля* СССР за 1918–1940 гг. : статист. обзор. М., 1960.
- Политбюро* ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923–1939. М., 2004.
- Системная история* международных отношений. 1918–2000. М., 2000. Т. 2.
- Советско-германские* отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. М., 1968. Т. 1–2.
- СССР и Германия* 1939–1841. Вильнюс, 1989. Т. 1–2.

Мемуары

- Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993.
- Вайцеккер Э.* Посол «Третьей рейха». Воспоминания. М., 2007.
- Дирксен Г.* Москва – Токио – Лондон. М., 2001.
- Иоффе Н.А.* Мой отец Адольф Абрамович Иоффе. Воспоминания. М., 1997.
- Павлов В.Н.* Автобиографические заметки // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
- Риббентрон Й.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания. М., 1996.
- Хильгер Г., Мейер А.* Россия и Германия: союзники или враги? М., 2008.

Монографии

- Ахтамзян А.А.* От Бреста до Киля. М., 1963.
- Ахтамзян А.А.* Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 гг. М., 1974.

- Ахтамазян А.А.* Профили рапальской дипломатии. М., 2009.
- Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.
- Вишлев С.В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.
- Горлов С.А.* Совершенно секретно: альянс Москва – Берлин. 1920–1933. М., 2001.
- Захаров В.В.* Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии в 1920–1941 гг. М., 1992.
- Кантор Ю.* Заключая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е гг. М., 2009.
- Капто А.С.* Пакт Молотова–Риббентропа: мистификация или реальность? М., 2009.
- Кёнен Г.* Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев. М., 2010.
- Максимычев И.Ф.* Дипломатия мира против Дипломатии войны. Очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933–1939 гг. М., 1981.
- Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000.
- Международный кризис, 1939–1941.* М., 2006.
- Мёлер Х.* Веймарская республика. М., 2010.
- Молодяков В.Э.* Россия и Германия: дух Рапалло. М., 2009.
- Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933. М., 2004.
- Никонова С.В.* Очерки европейской политики Германии (1924–1929). М., 1977.
- О’Коннор Т.Э.* Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930. М., 1991.
- Павлов Н.В.* История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель. М., 2012.
- Пронин А.А.* Советско-германские соглашения 1939 г. Екатеринбург, 1998.
- Розанов Г.Л.* Сталин и Гитлер. 1939–1941. М., 1989.
- Росенко И.А.* Советско-германские отношения (1921–1922). М., 1965.
- Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е.* История международных отношений. 1918–1939. М., 2008.
- Сиполс В.Я.* Внешняя политика СССР. 1936–1941. М., 2011.
- Томас Л.Я.* Жизнь Чичерина. М., 2010.
- Трухнов Г.М.* Рапалло в действии (1926–1929). Минск, 1982.
- Уткин А.И.* Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004.

- Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир. М., 1992.
- Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1991.
- Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. Иваново, 2000.
- Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 гг. М., 2008.
- Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930-е гг.) и капиталистический мир. М., 2002.
- Arnold G.* Gustav Stresemann und problematik der deutschen Ostgrenzen. Frankfurt a M., 2000.
- Carley M.* 1939. The alliance that never was and the coming of World War II. Chicago, 2000.
- Deutschland* und das bolschewistische Russland von Brest-Litovsk bis 1941. Berlin, 1991.
- Deutsch-russische Beziehungen.* Berlin, 1995.
- Leonard W.* Der schock der Hitler-Stalin Pacted. Munhen, 1989.
- Leitz Ch.* Nazi foreign policy, 1933–1941: the road to global war. London, 2003.
- Locarno revisited: European diplomacy, 1920–1929.* London, 2004.
- McMarry D.* Deutschland und die Sowjetunion, 1933–1936. Köln, 1979.
- Mick Ch.* Sowjetische propaganda, Fünfjahrplan und deutsche Russland politik, 1928–1932. Stuttgart, 1995.
- Hassy.* 23 august 1939. Der Hitler-Stalin pact. Berlin, 1990.
- Pond S.* Stalin and the inevitable war: 1936–1941. London, 2002.
- Reed A., Fisher D.* The deadly embrace. Hitler, Stalin and Nazi-Soviet Pact 1939–1941. London, 1988.
- Roberts W.* Russo-german relations and the road to war, 1933–1941. London, 1995.
- Rosenfeld G.* Sowjetunion und Deutschland. 1922–1933. Köln, 1984.
- Salzmann St.* Great Britain, Germany and the Soviet Union: Rapallo and after, 1922–1934. London, 2003.
- Zeidler M.* Reichswehr und Rote Arwee, 1920–1933. München, 1993.

Статьи

- Ахтамазян А.А.* Из истории германской внешней политики накануне Рапалло // Вопросы истории. 1972. № 1.

- Ахтамазян А.А.* Военное сотрудничество СССР и Германии 1920–1933 гг. // Новая и новейшая история. 1990. № 5.
- Ахтамазян А.А.* Советско-германские экономические отношения 1922–1932 гг. // Новая и новейшая история. 1988. № 4.
- Байков А.Ю.* Советско-германское сотрудничество в области авиационной промышленности. 1922–1933 // Отечественная история. 2007. № 2.
- Безыменский Л.А.* Советско-германские переговоры 1939 года // Новая и новейшая история. 1989. № 4.
- Безыменский Л.А.* Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1995. № 6.
- Белковец С.В.* Германский посол в Москве Г. Дирксен и дальнейшее развитие политики Рапалло // Германские исследования в Сибири. Томск, 2010. Вып. 7.
- Ватлин А.Ю.* Германская дипломатия и «немецкая операция» НКВД в 1936–1938 гг. // Российская история. 2013. № 1.
- Гинцберг Л.И.* Советско-германский пакт: замысел и его реализация // Отечественная история. 1996. № 3.
- Драбкин С.* Документы германского посла Мирбаха // Вопросы истории. 1971. № 9.
- Каширских Д.И.* Кризис в советско-германских экономических отношениях 1928 г. // Вопросы истории. 2006. № 9.
- Лавров В.С.* Что скрывалось за приглашением В.М. Молотова в Берлин и полетом Р. Гесса в мае 1941 г. // Новая и новейшая история. 2005. № 1.
- Макаренко И.В.* Две политики полпреда в Германии А.А. Иоффе // Безопасность Европы. 2002. № 7.
- Макаренко И.В.* Курсом Рапалло // Вопросы истории. 2011. № 10.
- Наджафов Д.Г.* Советско-германский пакт 1939 г. и его исторические последствия // Вопросы истории. 2006. № 12.
- Панцов А.В.* Брестский мир // Вопросы истории. 1990. № 2.
- Парасаданова В.С.* Трагедия Польши в 1939 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 5.
- Петров И.* Внешняя политика Г. Штреземана // Международная жизнь. 2000. № 1.
- Севостьянов Г.Н.* Поездка В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 5.
- Ситолс В.Я.* Ещё раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 3.

- Случ С.З.* Герmano-советские отношения в 1918–1941 гг. // Славяноведение. 1995. № 6; 1996. № 3.
- Случ С.З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1.
- Соколов В.В.* Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова // Новая и новейшая история. 1997. № 1.
- Соколов В.В.* Деятельность советского посольства в Берлине. 1918–1941 гг. // Новая и новейшая история. 2006. № 2.
- Соколов В.В.* Германский посол в Москве в 1934–1941 гг. Ф. Шуленбург – противник войны с Советским Союзом // Новая и новейшая история. 2010. № 2.
- Хавкин Б.Л.* Граф Шуленбург // Родина. 2011. № 1.
- Фольксманн Х.-Э.* Советский союз в экономических расчетах «третьего рейха». 1933–1941 // Отечественная история. 1997. № 2.
- Шевяков А.А.* Советско-германские экономические отношения в 1930–1941 гг. // Вопросы истории. 1991. № 4/5.

Приложение 1

Главы дипломатических представительств Германии и РСФСР/СССР (1918–1941 гг.)

Германия

Апрель – 6 июля 1918 г. – посланник граф Вильгельм Мирбах (1871–1918).

Июль-август 1918 г. – посланник Карл Гельферих (1872–1924).

1922–1928 гг. – посол граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау (1869–1928).

1929–1933 гг. – посол Герберт фон Дирксен (1882–1955).

1933–1934 гг. – посол Рудольф Надольный (1873–1953).

1934 – 22 июня 1941 г. – посол граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург (1875–1944).

РСФСР/СССР

Апрель – 5 ноября 1918 г. – полпред Адольф Абрамович Иоффе (1883–1927).

1919–1921 гг. – уполномоченный НКВД по делам военнопленных и интернированных гражданских лиц Виктор Леонтьевич Копп (1880–1930).

1922–1930 гг. – полпред Николай Николаевич Крестинский (1883–1938).

1930–1934 гг. – полпред Лев Михайлович Хинчук (1886–1939).

1934–1937 гг. – полпред Яков Захарович Суриц (1882–1952).

1937 г. – полпред Константин Константинович Юренев (Кротовский) (1888–1938).

1938–1939 гг. полпред Алексей Федорович Мерекалов (1900–1983).

Май-август 1939 г. – временный поверенный в делах Георгий Александрович Астахов (1897–1942).

1939–1940 гг. – полпред Алексей Алексеевич Шкварцев.

1940 – 22 июня 1941 г. – полпред (с мая 1941 г. – посол) Владимир Георгиевич Деканозов (1898–1953).

Приложение 2

**Торговля СССР с зарубежными странами в 1921–1940 гг.,
млн руб. по курсу 1950 г.**

Годы	Англия		Германия	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
1913	933,3	602,9	1580,7	2276,2
1921	32,5	215,2	5,8	189,4
1921/22	62,6	185,1	28,7	292,0
1922/23	100,7	129,7	150,9	214,1
1923/24	291,1	170,6	231,5	157,5
1924/25	673,6	385,5	304,5	357,8
1925/26	769,1	451,1	389,0	613,6
1926/27	768,6	352,3	611,6	563,2
1927/28	543,0	165,6	674,6	866,0
1928 (окт.-дек.)	163,2	23,4	183,5	169,8
1929	709,9	190,7	749,7	678,3
1930	975,5	279,2	716,9	874,1
1931	927,2	255,7	450,7	1431,1
1932	482,6	320,3	350,2	1142,0
1933	303,1	106,6	298,8	515,9
1934	241,1	109,1	343,0	100,2
1935	300,6	78,4	290,1	245,4
1936	287,7	76,6	92,8	75,6
1937	421,0	47,5	80,6	151,3
1938	282,9	131,6	64,8	50,7
1939	101,3	885,1	46,5	42,3
1940	0,4	10,0	555,8	316,3

Годы	Франция		США	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
1913	351,5	198,6	49,3	275,6
1921	–	27,3	–	140,9
1921/22	0,9	4,1	–	153,3
1922/23	2,0	0,5	1,9	15,4

Годы	Франция		США	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
1923/24	53,2	8,1	25,0	177,7
1924/25	77,1	32,0	98,8	703,2
1925/26	138,5	67,3	106,8	425,7
1926/27	188,5	77,3	81,4	508,3
1927/28	141,3	124,9	97,4	654,3
1928 (окт.-дек.)	42,5	21,2	30,9	103,7
1929	148,2	110,4	148,8	617,5
1930	153,8	103,5	142,6	921,4
1931	98,7	52,2	79,0	801,2
1932	100,0	15,1	59,9	110,3
1933	79,2	18,2	48,6	57,7
1934	76,2	40,4	49,7	62,3
1935	62,8	61,2	92,5	102,7
1936	81,9	32,2	103,5	166,3
1937	65,8	20,9	101,4	185,6
1938	40,7	27,3	67,1	308,2
1939	21,4	11,1	64,7	228,6
1940	1,4	0,5	85,5	338,4

Источник. Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М., 1960. С. 21–37.

Приложение 3

**Советско-германская торговля в 1922–1940 гг.,
млн руб. по курсу 1950 г.**

Наименование товара	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
<i>Экспорт в Германию</i>					
Нефть и нефтепродукты	12,1	21,4	38,0	43,6	41,4
Марганец (руда)	0,2	0,3	4,6	4,4	7,7
Лес и лесоматериалы	2,8	4,8	21,0	12,2	24,6
Хлопок	–	–	–	–	–
Пшеница	3,8	10,6	5,3	15,6	73,1
Ячмень	7,0	14,4	13,4	57,3	16,9
Продовольственные товары (рыба, мясо, яйца и пр.)	4,2	15,7	69,3	95,4	149,8
<i>Импорт из Германии</i>					
Машины и оборудование	59,1	43,9	124,0	234,5	289,9
Станки металлорежущие	–	–	4,0	11,6	43,5
Энерго- и электротехническое оборудование	–	17,7	25,3	30,4	59,1
Приборы, подшипники, медицинское оборудование	7,9	6,9	19,9	38,4	26,7
Химические продукты, удобрения	27,8	46,2	96,4	108,2	73,5

Наименование товара	1927/28 г.	1928 г. (окт. – дек.)	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
<i>Экспорт в Германию</i>						
Нефть и нефтепродукты	51,8	16,0	64,2	61,0	38,6	37,4
Марганец (руда)	4,5	1,3	6,3	5,8	2,1	1,3
Лес и лесоматериалы	35,7	11,8	72,2	65,9	43,2	28,0
Хлопок	–	–	0,3	6,2	–	0,3
Пшеница	6,9	–	–	67,4	9,3	0,4
Ячмень	0,6	–	6,3	15,6	11,8	0,3
Продовольственные товары (рыба, мясо, яйца и пр.)	184,7	70,1	187,1	82,7	90,6	58,5
<i>Импорт из Германии</i>						
Машины и оборудование	461,1	92,3	366,1	571,8	825,4	772,7
Станки металлорежущие	43,9	–	–	–	–	–
Энерго- и электротехническое оборудование	111,5	24,2	57,4	74,6	97,1	144,6
Приборы, подшипники, медицинское оборудование	50,2	11,2	47,8	34,7	36,5	29,0
Химические продукты, удобрения	90,2	19,9	87,5	53,6	35,5	12,2

Наименование товара	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.
<i>Экспорт в Германию</i>								
Нефть и нефтепродукты	34,5	29,7	30,2	19,7	16,0	2,9	1,5	102,8
Марганец (руда)	2,7	5,0	6,7	0,2	3,0	3,6	1,2	9,2
Лес и лесоматериалы	25,0	62,7	69,8	53,1	29,9	29,4	5,9	63,8
Хлопок	–	5,1	2,6	0,2	2,2	0,3	2,1	99,0
Пшеница	1,8	5,0	–	–	–	–	–	1,0
Ячмень	9,8	14,8	1,5	–	–	–	1,0	137,6
Продовольственные товары (рыба, мясо, яйца и пр.)	37,2	40,4	13,8	–	0,8	0,6	6,2	23,7
<i>Импорт из Германии</i>								
Машины и оборудование	325,4	62,9	45,1	201,9	120,2	31,4	34,5	147,6
Станки металлорежущие	–	–	14,4	79,0	58,7	12,0	22,2	43,7
Энерго- и электротехническое оборудование	32,0	12,6	8,6	17,4	6,3	1,8	1,3	28,9
Приборы, подшипники, медицинское оборудование	7,9	3,3	5,9	23,5	12,9	11,1	5,4	14,6
Химические продукты, удобрения	6,1	9,4	7,4	11,1	5,3	5,7	1,2	9,9

Источник: Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М., 1960. С. 521–562.

Приложение 4

Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой

3 марта 1918 г.

/Извлечение/

Статья I.

Россия, с одной стороны, и Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция – с другой, объявляют, что состояние войны между ними прекращено. Они решили впредь жить между собой в мире и дружбе.

Статья II.

Договаривающиеся стороны будут воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительства или государственных и военных установлений другой стороны. Поскольку это обязательство касается России, оно распространяется и на области, занятые державами Четверного союза.

Статья III.

Области, лежащие к западу от установленной договаривающимися сторонами линии и принадлежавшие раньше России, не будут более находиться под ее верховной властью: установленная линия обозначена на приложенной карте, являющейся существенной составной частью настоящего мирного договора...

Россия отказывается от всякого вмешательства во внутренние дела этих областей. Германия и Австро-Венгрия намереваются определить будущую судьбу этих областей по снесении с их населением.

Статья IV.

Германия готова, как только будет заключен всеобщий мир и проведена полностью русская демобилизация, очистить территорию, лежащую восточнее указанной в абзаце I статьи III линии...

Статья V.

Россия незамедлительно произведет полную демобилизацию своей армии, включая и войсковые части, вновь сформированные теперешним правительством.

Кроме того, свои военные суда Россия либо переведет в русские порты и оставит там до заключения всеобщего мира, либо немедленно разоружит...

Статья VI.

Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать мирный договор между этим государством и державами Четверного союза. Территория Украины незамедлительно очищается от русских войск и русской Красной гвардии. Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Украинской Народной Республики.

Эстляндия и Лифляндия также незамедлительно очищаются от русских войск и русской Красной гвардии... Эстляндия и Лифляндия будут заняты германской полицейской властью до тех пор, пока общественная безопасность не будет там обеспечена собственными учреждениями страны и пока не будет там установлен государственный порядок...

Финляндия и Аландские острова также будут немедленно очищены от русских войск и русской Красной гвардии, а финские порты – от русского флота и русских военно-морских сил... Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Финляндии...

Статья VIII.

Военнопленные обеих сторон будут отпущены на родину...

Статья IX.

Договаривающиеся стороны взаимно отказываются от возмещения своих военных расходов, т.е. государственных издержек на ведение войны, равно как и от возмещения военных убытков, т.е. тех убытков, которые были причинены им и их гражданам в зоне военных действий военными мероприятиями, в том числе и всеми произведенными во вражеской стране реквизициями.

Статья X.

Дипломатические и консульские сношения между договаривающимися сторонами возобновляются немедленно после ратификации мирного договора.

Статья XIV.

Настоящий мирный договор будет ратифицирован... Мирный договор вступает в силу с момента его ратификации...

Источник: Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 119–124.

Договор был ратифицирован Чрезвычайным IV Всероссийским Съездом Советов 15 марта 1918 г.; одобрен германским рейхстагом 22 марта, ратифицирован Вильгельмом II 26 марта 1918 г.

Договор между РСФСР и Германией («Рапалльский договор»)

16 апреля 1922 г.

/Извлечение/

Статья 1.

а) ...РСФСР и Германское государство взаимно отказываются от возмещения их военных расходов, равно как и от возмещения военных убытков, иначе говоря тех убытков, которые были причинены им и их гражданам в районах военных действий вследствие военных мероприятий, включая и предпринятые на территории противной стороны реквизиции. Равным образом обе стороны отказываются от возмещения невоенных убытков, причиненных гражданам одной стороны посредством так называемых исключительных военных законов и насильственных мероприятий государственных органов другой Стороны...

в) Россия и Германия взаимно отказываются от возмещения их расходов на военнопленных...

Статья 2.

Германия отказывается от претензий, вытекающих из факта применения до настоящего времени законов и мероприятий РСФСР к германским гражданам и их частным правам, равно как и к правам Германского государства и Земель в отношении России, а также от претензий, вытекающих вообще из мероприятий РСФСР или её органов по отношению к германским гражданам или к их частным правам при условии, что Правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств.

Статья 3.

Дипломатические и консульские отношения между РСФСР и Германией немедленно возобновляются...

Статья 4.

Оба Правительства далее согласны в том, что для общего правового положения граждан одной Стороны на территории другой и для общего урегулирования взаимных торговых и хозяйственных отношений, должен действовать принцип наибольшего благоприятствования...

Статья 6.

Пункт «б» статьи 1 и статья 4 настоящего Договора вступают в силу с момента ратификации; остальные постановления настоящего Договора вступают в силу немедленно.

Источник: Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. V. С. 223–224.

Договор ратифицирован ВЦИК 16 мая и германским Рейхстагом 4 июля 1922 г.

Договор о ненападении между СССР и Германией

24 апреля 1926 г.

/Извлечение/

Статья 1.

Основой взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией остается Рапалльский договор.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Германское Правительство будут и впредь поддерживать дружественный контакт с целью достижения согласования всех вопросов политического и экономического свойства, касающихся совместно обеих стран.

Статья 2.

В случае, если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3.

Если в связи с конфликтом упоминаемого в статье 2 характера, или же когда ни одна из договаривающихся сторон не будет замешана в вооруженных столкновениях, будет образована между третьими державами коалиция с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон, другая договаривающаяся сторона к такой коалиции примыкать не будет.

Статья 4.

Настоящий договор подлежит ратификации... Договор вступает в силу с момента обмена ратификационными грамотами и действителен в течение пяти лет...

(Договор сопровождался обменом нот между Г. Штреземаном и Н.Н. Крестинским относительно условий вступления Германии в Лигу Наций).

Договор вместе с нотами ратифицирован ЦИК СССР 22 июня и президентом Германии 26 июня 1926 г.

Источник: Документы внешней политики СССР. М., 1964. Т. IX. С. 250–254.

Договор о ненападении и нейтралитете между Германией и Советским Союзом

23 августа 1939 г.

Правительство СССР и Правительство Германии, руководствуясь желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 г., пришли к следующему соглашению:

Статья I.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII.

Настоящий договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Источник: «Правда». 24 августа 1939 г.

Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом

23 августа 1939 г.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, границы сфер интересов Германии и СССР будут приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

Источник: Документы международных отношений (1917–1945). М., 1999. С. 95.

Договор о дружбе и границе между СССР и Германией

28 сентября 1939 г.

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

С т а т ь я I. Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

С т а т ь я II. Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение.

С т а т ь я III. Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье I линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии – правительство СССР.

С т а т ь я IV. Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

С т а т ь я V. Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания.

Доверительный Протокол

Правительство СССР не будет препятствовать немецким гражданам и другим лицам германского происхождения, проживающим в сферах его интересов, если они будут иметь желание переселиться в Германию или в сферы германских интересов. Оно согласно, что это переселение будет проводиться уполномоченными Германского Правительства в согласии с компетентными местными властями и что при этом не будут затронуты имущественные права переселенцев.

Соответствующее обязательство принимает на себя Германское Правительство относительно лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих в сферах его интересов.

Москва, 28 сентября 1939 г.

Секретный дополнительный протокол

Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатировали свое согласие в следующем:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территории другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях.

Москва, 28 сентября 1939 г.

Секретный Дополнительный протокол

28 сентября 1939 года

Нижеподписавшиеся уполномоченные констатируют согласие Германского правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п. 1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу

интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

Источник: Документы международных отношений (1917–1945 гг.). М., 1999. С. 99–101.

Письмо Гитлера Сталину от 14 мая 1941 г.

«Я пишу это письмо в момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно достичь долговременного мира в Европе – не только для нас, но и для будущих поколений без окончательного крушения Англии и разрушения ее как государства. Как вы хорошо знаете, я уже давно принял решение осуществить ряд военных мер с целью достичь этой цели. Чем ближе час решающей битвы, тем значительно число стоящих передо мной проблем. Для массы германского народа ни одна война не является популярной, а особенно война против Англии, потому что германский народ считает англичан братским народом, а войну между нами – трагическим событием. Не скрою от Вас, что я думал подобным же образом и несколько раз предлагал Англии условия мира. Однако оскорбительные ответы на мои предложения и расширяющаяся экспансия англичан в области военных операций – с явным желанием втянуть весь мир в войну, убедили меня в том, что нет пути выхода из этой ситуации, кроме вторжения на Британские острова.

Английская разведка самым хитрым образом начала использовать концепцию “братоубийственной войны” для своих целей, используя ее в своей пропаганде – и не без успеха. Оппозиция моему решению стала расти во многих элементах германского общества, включая представителей высокопоставленных кругов. Вы наверняка знаете, что один из моих заместителей, герр Гесс, в припадке безумия вылетел в Лондон, чтобы

пробудить в англичанах чувство единства. По моей информации, подобные настроения разделяют несколько генералов моей армии, особенно те, у которых в Англии имеются родственники.

Эти обстоятельства требуют особых мер. Чтобы организовать войска вдали от английских глаз и в связи с недавними операциями на Балканах, значительное число моих войск, около 80 дивизий, расположены у границ Советского Союза. Возможно, это порождает слухи о возможности военного конфликта между нами.

Хочу заверить Вас – и даю слово чести, что это неправда... В этой ситуации невозможно исключить случайные эпизоды военных столкновений. Ввиду значительной концентрации войск, эти эпизоды могут достичь значительных размеров, делая трудным определение, кто начал первым.

Я хочу быть с Вами абсолютно честным. Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт, чтобы спасти Англию от ее грядущей судьбы и разрушить мои планы. Речь идет о времени более месяца. Начиная, примерно, с 15–20 июня я планирую начать массовый перевод войск от Ваших границ на Запад. В соответствии с этим я убедительно прошу Вас, насколько возможно, не поддаваться провокациям, которые могут стать делом рук тех из моих генералов, которые забыли о своем долге. И, само собой, не придавать им особого значения. Стало почти невозможно избежать провокации моих генералов. Я прошу о сдержанности, не отвечать на провокации и связываться со мной немедленно по известным Вам каналам. Только таким образом мы можем достичь общих целей, которые, как я полагаю, согласованы.....

Ожидаю встречи в июле.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер».

Источник: «Российская газета». 20 июня 2008 г. Публикация А.И. Уткина.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Глава 1. Германия и Советская Россия в период Брестского мира (март – ноябрь 1918 г.)	8
Глава 2. На пути в Рапалло (1919–1921 гг.)	21
Глава 3. Рапалло в действии (1922–1925 гг.)	34
Глава 4. Германско-советские отношения в постлоккарнский период (1926–1932 гг.)	48
Глава 5. Военное сотрудничество СССР и Веймарской Германии	60
Глава 6. СССР и нацистская Германия (1933–1938 гг.)	69
Глава 7. Международный кризис 1939 года. Советско-германские договоры 23 августа и 28 сентября 1939 г.	81
Глава 8. Германия и СССР накануне Великой Отечественной войны (1940 – июнь 1941 гг.)	93
Заключение	106
Контрольные вопросы	109
Тематика письменных работ студентов	111
Хронология основных событий	112
Источники и литература	117
Приложение 1	122
Приложение 2	123
Приложение 3	125
Приложение 4	128

Учебное издание

Борис Степанович Жигалов

**ГЕРМАНИЯ И СССР:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
(март 1918 – июнь 1941 гг.)**

*Конспект лекций по спецкурсу для студентов,
обучающихся по магистерской программе
«Американские и германские исследования»*

*Издание вышло в свет в авторской редакции
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки А.В. Бабенко*

Подписано к печати 20.06.2013 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 8,1.
Тираж 100 экз. Заказ № 362.

Отпечатано на оборудовании
редакционно-издательского отдела
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Корп. 4. Оф. 011
Тел. 8+(382-2)-52-98-49

ISBN 978-5-9462-1401-8

9 785946 214018 >